

Елена Свительская
**ДВЕ ТЫСЯЧИ
ЖУРАВЛЕЙ**

16+

Елена Юрьевна Свительская

Две тысячи журавлей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50282248

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06639-7

Аннотация

Япония, 18 век. Юуки – хилый крестьянский мальчишка, мечтавший окрепнуть и стать опорой своей семьи. Вот только жизнь занесла его далеко от родных мест. Одиноким бродягой стал, никому не нужным. Всё, что осталось у него – подарок от ками: способность видеть богов и чудовищ. Но жизнь на границе миров – это не только дар, но ещё и проклятие. Нелюди не все дружелюбны, да и сил повлиять на них у Юуки нету. Как ему выжить и вернуться домой?

Содержание

1-ый Синий	4
2-ой Синий	57
3-ий Синий	78
4-ый Синий	88
5-ый Красный	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Елена Свительская

Две тысячи журавлей

1-ый Синий

Ко встрече с божеством все готовились очень старательно. Все деревенские жители тщательно убрали свои дома, землю вокруг них, потом девушки дружно вымели единственную улочку в деревне. А уж как придирчиво селяне выбирали рис, рыбу, фрукты и овощи для угощения божества словами описать невозможно! Каннуси из нашего святилища долго и строго отбирал того, кому выпадет честь приготовить пищу для нашего Та-но ками. Он отведал еду, приготовленную каждым из претендентов, затем долго выспрашивал:

– Вы чем-нибудь болели в ближайшее время? Ваши близкие чем-нибудь болели? У вас в семье кто-нибудь умер в ближайшие месяцы? Так, а в дальней родне из других деревень?

И, едва выслушав ответы, продолжал допрос:

– Вам приходилось раниться в ближайшее время, так, что начинала идти кровь? Вам доводилось случайно или намеренно запачкаться чьей-то кровью? Так, а вы и ваши родственники в ближайшее время совершали что-нибудь дурное?

– Но позвольте, ну, это... – обычно к этому месту допроса

некоторые уже начали трястись или смущаться.

– Нельзя позволить, чтобы еду готовил человек, запятнавший себя скверной! – строго говорил священнослужитель. – Если Та-но ками вкусит грязную пищу, он может разгневаться на нас – и лишит нашу деревню своего покровительства. – Так что вы должны быть честными. Ради блага всех нас вы должны сказать, запятнали ли вы, ваша близкая или дальняя родня себя каким-нибудь гадким делом?

Правда, надо отдать должное нашему каннуси: на этом месте он внимательно оглядывался и изгонял всех посторонних, дабы чистосердечному признанию претендента никто не мешал, а он мог оценить степень скверны, лёгшей на этого человека.

Я сидел на камне, с краю деревни, наблюдая за общими приготовлениями. С одной стороны, следить за всей этой суетой было сколько-то интересно. С другой стороны, мне было обидно, что все эти люди готовятся, стараются, а для меня дела не досталось. Дома хлопотали мама и сёстры, отец куда-то увёл младшего брата, делать что-то важное для хозяйства, а меня не взял. Я подумывал, не попроситься ли к соседям, вдруг что-нибудь поручат? Но пока боялся: в деревне меня не слишком любили, да и стоит ли людей от дел отрывать? Ладно, если наворчат, так ведь могут ещё и ударить.

Вздыхнув, слез с камня, прислонился к нему спиной. Стал смотреть на землю, на камешки, кустики травы, расположенные поодаль от меня, а потому смазавшиеся в пятна. Если

не считать того парня, что проворчал своей спутнице, что я – злостный бездельник, а также моего личного страдания от отсутствия сколько-нибудь важного дела, это было вполне терпимое занятие. Хотя и бессмысленное. Но вдруг и для меня найдётся дело, если буду сидеть на виду?

О, а вон тот пучок травы напоминает катану! А тот комок земли – воина! О, там два дерущихся самурая. И там, вроде, тоже два воина, только один почему-то сидит на коленях, гордо выпрямившись, а другой как будто стоит в стороне и плечи его как-то поникли, спина сгорбилась, рука сжимает рукоять меча. И между ними ещё пятно – кто-то пролил что-то – и напоминает, будто люди кучкуются. Да, ближе к тому, унылому, который стоит...

Ноги мои протирали дорогу босыми ступнями. Избитые, исцарапанные. Меня не несли уже, а просто волочили, подхватив под руки. По какой-то улице тащили.

Напрягшись, повернул голову.

Люди стояли по краю дороги и смотрели на меня. Кто с интересом, кто со страхом, кто с сочувствием. Должно быть, так гадко чувствуют себя пойманные звери, когда их достают из ловушки, чтобы добить.

Взгляд мой случайно столкнулся с другим взглядом. Лицо это как будто уже видел. И эти глаза... что-то в них было.

Такое... знакомое...

Я стоял, раздираемый, виной и отчаянием. Среди пришедших проводить его в последний путь. Вот, осуждённый, державшийся спокойно, равнодушно оглядел собравшихся поглазеть или поддержать его. Вот взгляд его запнулся на мне. Ненависть, жуткая ненависть рванулась из его души и будто кипятком меня обожгла.

Я... я не хотел! Я не хотел! Простите меня! Но... вы же... вы же не захотите меня простить, верно?

Ни брани, ни порыва накинуться. Он просто устало и с пренебрежением перевёл взгляд. И это было хуже всего. Хуже самых ядовитых слов! Хуже прикосновения лезвия! Руки его не связали – из уважения – да и он не пытался сбежать. Жаль, что этот меч достанется не мне. Мне... очень жаль.

Меч взлетел в руках воина, выбранного его палачом. Нет... я не могу! Не надо!

Я рванулся вперёд, оттолкнул какого-то воина...

И не успел.

Он стоял на коленях, с прямой спиной и спокойным лицом. Меч взлетел красиво и чётко. И струя крови из его рассечённой шеи хлестнула меня по лицу, по глазам. Горячая кровь... его кровь...

Я не сразу стёр с лица горячую жидкость, не сразу проморгался. И не сразу смог увидеть очертания мира. А когда увидел неподвижное тело без головы, то у меня внутри что-

то так сжалось, словно меня самого ударили мечом...

Дёрнулся, пребольно ударившись затылком о камень, у которого сидел. Голова гудела. Сердце билось быстро-быстро. Так быстро, что оно меня пугало. Да и спина вся взмокла под юката. Или это её вымочила его кровь? Но что я делаю тут?

Вскочил, огляделся. Та же самая улица, единственная в нашей деревне, всё те же самые дома с крутыми крышами, да малыми окнами. И на каждом доме у окна висят сардиньи головы и ветки остролиста. Да, я их мало вижу, только те, что находятся совсем рядом со мной, но эти очертания хорошо запомнил. И что-то в глазах застряло. Что-то мокрое, отчего мир начинает смазываться, и даже пространство вблизи меня становится мутным, расплывшимся пятном.

Кувшин с водой нашёл не сразу. Прислушался. Вроде шума особого рядом не было, значит, хозяева отошли. Наклонился над ним, разглядывая неподвижную поверхность. Постепенно мутные пятна стали чётче, и я разглядел своё отражение – худое лицо и тощее мальчишеское тело. Тело, которое было до отвращения хилое и даже выглядело младше своих лет. Я ненавидел смотреть на своё отражение, которое лишней раз напоминало мне о том, каким дурным родился. Но сегодня меня зацепило не оно.

Какое-то время вглядывался в отображаемое. И мне вдруг показалось, что из кувшина с сакэ на меня смотрит молодой парнишка. Точнее, он бы смотрел, но как это сделать, когда половину его лица залила кровь? Вот, даже глаза ему залила!

Я отшатнулся от кувшина и испуганно сглотнул. Сон... жуткий сон! Бред. Я в чём-то вымок, тёплом. Это кровь? Тьфу, это я вспотел. И вообще, просто уснул на солнце, вот и привиделся тот кошмар.

Хотя как ни были страшны бывавшие у меня кошмары, однако же ощущение, что это были только сны, и вот я уже проснулся, быстро успокаивало меня. А тут я даже семь раз вокруг деревни обошёл, но сердце всё ещё билось неровно.

Если честно, мне ещё не доводилось присутствовать на чьей-то казни. И мне ни разу пока не удавалось увидеть поединок самураев, закончившийся чьей-либо смертью. А те драки, которые случались между крестьянами, никогда не заканчивались смертью кого-то из дерущихся.

Да, было дело, был год неурожайный. Собрались тогда наши мужчины со своими орудиями, какие были у крестьян: пики, палки бамбуковые, лопаты – и пошли к нашему даймё, просить отменить или уменьшить налог в этом году. Три двери в его доме сломали, по ходу, проникли в амбар с рисом. Сидели там упорно, дня два, тихо сидели. Самураи хозяина, конечно, ходили, поглядывали, не украли ли мы чего, но так ничего и не украли. А они не спешили обнажать против восставших свои мечи. Так они ходили, а наши сидели и

ждали в амбаре, тихо. Пока сам даймё не явился – благо он в ту пору в Эдо к семье не ездил, в своих владениях был – и не спросил, что тут устроили? Тогда и пожаловались крестьяне, что не прокормиться, тайфун большой был, да слишком заливали ещё дожди – и не вызрело урожая на всех. Видно придётся детей новорожденных душить, чтобы стало меньше ртов, чтобы выжить уже большим.

Воин подумал часа два или три, не слишком долго думал, впрочем, а посланники ждали терпеливо его решения, волновались, смилуется ли? Хозяин вернулся быстро и сказал, что, так уж и быть, налогов меньше соберут нынче, а самым нищим семьям он сколько-то риса из своих запасов даст. Однако не имели мы права приставать к нему с жалобами.

Вздыхнув, выступил к нему сын старосты, младший. Сказал, что он этот поход организовал, он всех и подбивал сходиться – ему и отвечать. Его как главного зачинщика и казнили, чтобы нам неповадно было восставать. Навесили на шею табличку о его преступлении, провели через всю деревню, предавая позору и, заодно, остальных селян устрашая, чтобы видели, к чему приводят бунты. Голову отсекли. Голову потом три дня держали на виду, а тело отдали для тренировок старшим сыновьям нашего даймё. Или, может, то отец им мечи новые подарил, вот и дал испытать?

Хотя, надо отдать должное хозяину: даже из-за бунта от обычаев не отступился – спутникам осужденного выдал связку медных монет, на последнее желание. Осуждённый

колебался чуть-чуть – хотел отведать любимой гречишной лапши, но передумав, просил все монеты его отцу передать, пусть, мол, потратит на благо семьи. А сыну его удовольствия уже ни к чему. Какой там позор! Заступник! И думал-то в мгновения последние о семье! Все стояли, кто видел его в тот день, да плакали. И отец его горше всех.

И даймё наш, когда узнал, говорят, погрустнел. Сказал, что младший сын нашего старосты достойно держался и хорошо ушёл. И староста наш, сам из семьи самурая, когда-то добровольно отказавшегося от меча и принявшего заботу о земле, ходил гордый за сына. Но, говорили, украдкой плакала старая мать, долго плакала: сын же был её, сын!

И спасибо тому отважному юноше: тот год и зиму ту жители деревни сколько-то сносно пережили. И были девочки, среди детей родившихся той зимой и весной, живы. Но я лично казни той не видал – я тогда ещё крохой сам был. Года два или три. Хотя, конечно, я когда впервые услышал об этом достойном юноше, так сразу и запомнил эту печальную историю. Эх, если бы я так мог! Но я и лопату-то толком до дома даймё не донесу. Так что не получится у меня даже достойно умереть, на благо всех, да с преданностью о старших своих и о своей семье.

Но не видел я никогда крови, хлеставшей из ран. И, уж тем более, никогда не била меня струя из чьей-то крови по глазам. Словом, мне не стоило из-за всего этого переживать. Тем более, то был просто сон. Дурной, но всего лишь сон. И

всё равно я ходил туда-сюда и никак не мог успокоиться.

– Десятого человека выгнал! – проворчал мой младший брат, проходя мимо меня. – Эдак вообще пищу божеству будет некому готовить! Как бы нам тогда от гнева ками куда больше не влетело!

– Ему виднее, – смиренно отвечал я. – Если что, может, найдётся чистый человек в ближайших деревнях?

– Ага, и до праздника и он успеет чем-нибудь себя запятнать! – вздохнул Такэру. – Кстати, ты что тут шляешься?

Тяжело вздохнул и признался:

– Мама мне ничего сегодня не поручила.

– Ну, ещё бы! – проворчал брат. – Ты бесполезен!

К нам подошла наша младшая сестра, Асахикари. Так незаметно подкралась, что мы заметили её, только когда она тронула наши локти. Мы вздрогнули, шарахнулись... и успокоились, увидев её улыбающееся лицо.

– А пойдёте в святилище? – предложила девочка. – Вдруг нам каннуси или мико что-нибудь поручат?

– А тебе не надо тренироваться в танцах? – проворчал Такэру. – Ты уже не рада, что тебя избрали?

– Бабуля, что нас учит, сегодня встречает своего мужа. Она нас отпустила.

– Так дед Горо вернулся? – глаза мальчика оживлённо заблестели.

Это ж так редко кто-то из нашей деревни отправляется в дальнее странствие, это ж так много историй потом мож-

но услышать! А деда Горо, которому в прошлом году выпал жребий посетить Великое святилище в Исэ от имени всех нас, мы всей деревней несколько дней в путь собирали. Просили внимательно на всё смотреть, чтоб нам потом рассказал. Он дойдёт до него по дороге, уходящей от основной между Осакой и Эдо. Упадёт ниц перед каждым из двух святилищ, хлопнет в ладони, привлекая внимание великой богини Аматэрасу, самой прародительницы императорского рода, да скажет о нас, о наших нуждах. Отдаст деньги – с каждого пятидворья по медяку собирали – ей жертвуя, от нас всех. А ему дадут охранные дощечки и амулеты – и он нам их привезёт. И будет у нас счастье! Великое дело! Ну, у кого-то же хотя бы счастья больше будет, верно?..

Нет, конечно, захожих ремесленников послушать мы все тоже любили, да, на нашу радость, среди них попадались весьма общительные, но там-то просто болтовня, как, где и чего, а тут поклонение великой богине! Да о нас Горо самой Аматэрасу упомянет!

– Оказалось, что не зря дед Горо задержался! – радостно добавила сестрёнка. – Он не хворал, как мы все волновались, а ещё и по другим местам прошёл. Он взбирался на пик Ёсино, а потом даже стоял под ледяными струями водопада!

– Сколько всего! – радостно выдохнул мой младший брат.

И я выдохнул, ликуя:

– Да, это ж сколько всего он расскажет!

Асахикари вздохнула и уже тихо добавила:

– Но в ближайшие дни дед Горо будет общаться с семьёй. Говорил, извиняясь, что соскучился жутко он по своим родным. А потом всё-всё нам всем расскажет, что видел. Он старался всё подмечать.

Тяжкий вздох вырвался у меня. А Такэру сорвался, обернулся, взглянул на меня гневно.

– Тебе бы только истории слушать?! – вскипел брат. – Лодырь! Никчёмный лодырь! И бездельник!

Вздохнул опять. Разве я сам захотел родиться таким хилым?

Осторожно сказал:

– Как будто ты их не любишь?

Младший брат открыл было рот, чтобы сказать ещё какую-нибудь гадость обо мне, но тут опять вмешалась сестра.

– Пойдёмте, пойдёмте скорее! – Аса-тян уцепила нас за руки и потащила к святилищу. – А то вдруг другим детям что-то поручат, а нам – нет? Я хочу сделать что-нибудь полезное!

В общем-то, в этом мы были единодушны, так что молча пошли выпрашивать поручение.

Мы ещё не прошли сквозь каменные фонари на возвышениях и высокие ворота тории, ещё не успели подняться по лестнице, как с горечью увидели, что многие из деревенских детей уже толпятся возле святилища. И единодушно вздохнули. Неужели, нам никаких поручений не достанется? А мы так хотели помочь в подготовке торжества!

Дорожка перед зданием храма была вычищена. Поблизости с улицы доносилось шуршание метлой по песку: кто-то всю старался, подметая территорию. Дети переминались перед храмом в тоскливом молчании: всем очень хотелось быть полезными, но хватит ли поручений на всех?

Аса-тян потащила нас с Такэру – сегодня мы почему-то молча подчинялись этой худенькой невысокой девчонке, которая была намного меньше нас – к колодцу, мыть руки и лица. Когда мы вернулись, дети всё так же переминались с ноги на ногу или глазели по сторонам. Значит, мико занята. Значит, кому-то уже повезло получить поручение.

– О, и Юки пришёл! – проворчал кто-то из мальчишек. – Эй, Снежок, а ты-то нам зачем тут сдался? От тебя пользы никакой!

Я съёжился. Асахикари встала между мной и ворчуном. Такэру молча отодвинулся в сторону, мол, он тут ни при чём. Младший брат редко за меня вступался, очень редко. Впрочем, если говорить правду, то и мне редко удавалось вступить за моего младшего брата, что меня, самого старшего из детей, сильно огорчало. Ну да Такэру рос бодрым и здоровым, так что обидчиков бил исправно, и его, в отличие от меня, редко кто решался задевать.

– О, Юки! – прозвучал нежный и чистый голос старшей дочери каннуси.

Дети все повернулись ко мне. У стоящих поблизости, тех, кого я более-менее видел, были крайне мрачные выражения

лиц. Впрочем, подозреваю, что и у остальных тоже.

Девушка подошла к нам. Её красная юбка и одетое под ней белоснежное кимоно пахли свежестью и какими-то травами. Длинные волосы были собраны лентой у шеи. Лицо как обычно было приветливым. Я любовался ею, когда она была поблизости.

– Хочешь помочь? – с улыбкой спросила жрица.

– Да! – отчаянно выдохнул я.

– Это очень мило с твоей стороны, – она одарила меня тёплой улыбкой. – Тогда я вот о чём тебя попрошу: накануне праздника, за день или за два, принеси в святилище красивых-красивых цветов, – её нежная рука мягко опустилась мне на плечо. – Самых красивых, ладно? Я доверяю твоему вкусу.

Радостно выпалил:

– Да! Я буду стараться!

И кто-то из детей обиженно шмыгнул носом.

– А вместе с тобой пойдут...

Наша мико была мудра: позаботилась, чтобы почётное поручение досталось не только мне одному, да ещё и в спутники мне выбрала тех детей, которые редко меня задевали. Ещё и напутствовала, чтобы мы ни в коем случае не дрались, не запятнали цветов грязью и кровью: для божества нужно всё самое чистое и самое лучшее. И, чуть подумав, придумала ещё несколько заданий и для других детей. Так что многие расходились счастливые и оживлённо обсуждали её поруче-

ния, поручения от близких и, самые счастливые, уроки с нашими танцорами и музыкантами – им предстоит выступать на мацури.

О, как не терпелось мне увидеть дом, да стебли бамбука, росшего возле него. Добраться, рассказать!

После еды – каши из проса, с тонкими сочными ломтиками редиса-дайкона, маринованными на рисовых отрубях, с тёмными овалами маринованных слив, упоительно солёных – когда вся наша семья собралась немного отдохнуть, сёстры и брат много болтали о празднике. О том, как дочь священнослужителя из нашего храма просила нас принести цветы к празднику встречи и общения с божеством. Родители молчали, переглядываясь. И я молчал. Просто был сытый и довольный, что есть нужное дело для меня, тем более, его мне поручила мико!

О, как же сложно было дожидаться того дня, когда мы отправимся за цветами! Хотелось прямо сейчас вскочить и бежать за букетом самых красивых цветов, какие только распустились! Но цветы тогда до мацури не доживут.

Перед сном младшая сестра долго обсуждали возвращение деда Горо и возможность узнать от него что-то полезное о том, как проводят мацури, посвящённые местным божествам, в других деревнях. А может, дед Горо ещё и смог увидеть городские мацури? О, это было бы очень интересно послушать! Наконец они выговорились и уснули...

Ноги мои протирали дорогу босыми ступнями. Избитые, исцарапанные. Меня не несли уже, а просто волочили, подхватив под руки. По какой-то улице тащили. Напрягшись, повернул голову.

Люди стояли по краю дороги и смотрели на меня. Кто с интересом, кто со страхом, кто с сочувствием. Должно быть, так гадко чувствуют себя пойманные звери, когда их достают из ловушки, чтобы добить.

Взгляд мой случайно столкнулся с другим взглядом. Лицо это как будто уже видел. И эти глаза... что-то в них было. Такое... знакомое...

Он просто стоял и смотрел, как меня тащат мимо него. Один только миг... один только его взгляд...

Меч взлетел над головой осуждённого и упал. И его тело... отрубленная голова тогда покатила в сторону. И люди невольно шарахнулись от неё и брызг его крови. И кровь из разрубленной шеи струей хлестнула меня по лицу, по глазам. Тёплая, густая кровь... она пеленой укрыла от меня мир... её было так сложно стирать с лица... она жгла мои руки...

Тело моё дернулось, голова опять раскололась от удара.

Я обмяк в руках воинов. Боль накатила на меня мощной, тяжёлой, удушающей волной. И то ли были вскрики во-

круг, то ли уже не было...

А когда пелена боли на миг упала, когда мой взгляд невольно поднялся к небу, то я на несколько мгновений увидел взлетевшего надо мной воина. Его глаза красные с узкими щелками зрачков, а кожа белая. И ещё два длинных слегка изогнутых рога на голове. А из выхваченной им катаны вырвался и заревел огромный тускло-чёрный дракон с множеством острых зубов.

Миг – и снова ярко-голубое небо. Снова палящее солнце бьёт в глаза...

Очнувшись, ещё долго сидел, слушая, как быстро колотится моё сердце. Мама проворчала, что мне не спится. Ага, она хочет придвинуться к отцу, чтобы тихо-тихо шептаться и шуршать одеждой по циновкам, а я им мешаю, что не сплю.

Соврал, что у меня что-то живот прихватило, и убежал на улицу. Пусть себе милуются. От меня им всё равно никакой радости нет.

Ночью опять бродил вокруг деревни в темноте. Впрочем, тут мне дорога была хорошо известна, так, что темнота меня не смущала. Потом, устав, где-то сел и уснул. Уже без кошмаров. И разбудили меня, плеснув водой в лицо. Спасибо, что хоть чистой.

Дома отмывались опять, одежды яростно отстирывались. Деда Горо захватили в плен люди, ответственные за создание священного паланкина для божества: в этом году решили сделать новый. Тем более, что дед Горо много где прошёл – в своём паломничестве он обошёл целых тридцать три святилища и несколько мацури повидал – и мог рассказать, как нам украсить паланкин-микоси получше.

– Юуки, Юуки! – радостный вопль сестры настиг меня у

реки, где я отстирывал свою одежду и одежду Такэру – брату отец какое-то другое поручение дал, где требовалось больше физической силы.

– Что, Аса-тян? – я улыбнулся, поворачиваясь к ней.

Сестра запыхалась от долгого бега. Глаза её сияли от счастья, щёки алели румянцем. К груди она прижимала кусок ткани. Настоящей, шёлковой ткани! Нежный тускло-розовый цвет, а кое-где были белые россыпи хризантем и немножко тускло-бордовых лепестков сакуры.

– Откуда? – удивился я.

Ни у матери, ни у сестёр таких нарядов отродясь не водилось.

– Дед Горо принёс рулон шёлка! – тяжело дыша, выдохнула девочка. – Он там в паломничестве кому-то помог, а тот странник, как выяснилось, был из богатого рода. Он позвал его в гости, усадил за один стол с собой, накормил – дед Горо говорит, что там было множество-множество вкусных и красиво украшенных блюд – и подарил ему рулон шёлка. Мол, в подарок твоим дочерям. Или продай, если рис тебе нужней. Большой-большой рулон! Дочерей дед Горо давно уже отдал замуж.

– Да, помню. Та, что в нашей деревне была, недавно умерла, а другие – в других местах живут.

– И дед Горо, посоветовавшись с женой, решили разделить ткань между девочками, которые будут танцевать главные танцы! Представляешь? – Аса-тян, смеясь, перекружилась. –

Я буду такой красивой-красивой, Юуки! Я постараюсь красиво-красиво станцевать для нашего ками!

– А ты, значит, одна из лучших танцовщиц? – улыбаюсь.

– Ой, а я ещё не говорила? – Аса-тян замерла и смутилась. – Так я скажу! Но сначала я всем расскажу про ткань. Вот сначала я нашла тебя, а потом побегу рассказать маме! Прости, что я не рассказала тебе про мой танец, брат!

– Теперь сказала, – подмигиваю ей. – Давай, беги, тренируйся, чтоб быть самой красивой танцовщицей деревни! Или займись шитьём своего роскошного наряда.

– Я буду самой-самой красивой! – сестрёнка счастливо рассмеялась и убежала.

Здорово, кто-то из нашей семьи сумеет отличиться на празднике.

Улыбаясь, продолжил стирать. Рад, что милая сестрёнка получила и похвалу от старших за свои танцы, и даже кусок красивой ткани, причём, шёлковой. Жаль, что я ей такой подарок подарить не могу. Но она всё-таки получила красивую ткань и теперь очень рада. И ещё она разыскала меня, чтобы мне первому рассказать – это тоже меня радует.

После двух дней строжайшего отбора каннуси осталась одна претендентка. Эта девушка готовила умеренно хорошо, но на ней грязи оказалось меньше, чем на самых лучших. Она стойко вынесла обряд очищением водой – для него использовалась ледяная вода из оврага – и накануне праздника

стряпуха грелась в чане с водой. Всё-таки ещё не лето, можно и простудиться, а кто тогда будет готовить угощение для божества?

И вот наконец-то еду для божества и селян приготовили. Площадку, очищенную каннуси при помощи специальных обрядов, обложили белой рисовой верёвкой. Она же, с вплетёнными белыми бумажными лентами, украшала святилище, ворота перед ним. Белая симэнава и красные тории смотрелись очень достойно. Божеству должны понравиться и место встречи, и наша деревня.

Кстати, мы готовились не менее усердно, чем взрослые. Каждый мальчик, каждая девочка тщательно вымылись, выстирали свою одежду, раз двести, а то и больше, отрепетировали приветственные поклоны, долго обдумывали торжественные речи.

И вот наконец настал день для сбора цветов! Я и другие дети, которым поручали и которым не поручали – ещё шестеро решили присоединиться, надеясь, что их трофеи тоже возьмут – облазили всю деревню, весь лес и берег реки в поисках самых красивых цветов.

Блуждая по окрестностям, я наткнулся на цветок ириса и очень удивился. Во-первых, потому что его одинокий светло-голубой цветок ярко выделялся на фоне коричневой, пока кажущейся бесплодной земли, во-вторых, потому что он вырос раньше, чем его собратья и, не взирая на то, сколько усилий ему пришлось приложить ради раннего расцвета,

он спокойно смотрел из низины на меня и лес, бодро противостоя своими тонкими и сочными листьями прохладному ветру. Говорят, что листья ириса похожи на меч, но это растение полностью походило на стойкого воина, уверенно держащего катану в своих сильных руках. Точнее, мне так только подумалось. Я ведь ещё не видел ни одного самурая. Но я много, ну мне так думалось, что много, слышал о них и постоянно их воображал.

– Прости, дух ириса, – сказал я громко, чтобы ками цветка точно услышал меня. – Я хочу сорвать этот цветок и подарить его покровителю моей деревни.

Дух цветка не ответил. Может, он и сам был не прочь приветствовать нашего Та-но-ками, поджидая его у алтаря в окружении своих красивых собратьев. Дрожащей рукой я переломил стебель, прижал найденное сокровище к груди и почувствовал себя необычайно счастливым. И медленно побрёл к деревне.

Мучители воспользовались моим отрешённым состоянием, подкрались сзади, толкнули в спину, отчего я упал лицом в землю.

– Бывший смелый, ты даже не снег, ты – черепаха! – язвительно выкрикнул сын старосты, их заводила, неприятно засмеялся и сбежал.¹

¹ Героя зовут Юуки – Юуки (##) – "Смелый". Правда, смелостью с младенчества он не отличался, как и здоровьем, потому его родные стали звать Юки (#), что означало "снег". Отсюда же и шутки про Бывшего смелого.

Его приятели последовали за ним. Пара мгновений – и их силуэты обратились в расплывчатые пятна, смешались с остальными разноцветными кляксами, окружавшими меня. Даже если они встанут неподалёку, я не увижу их. Если они задержат дыхание и замрут неподвижно, могу их не заметить. Они знают это и пользуются моей слабостью. Ох, а как же мой...

Прекрасная головка цветка была раздавлена моим телом, стебель – переломился. К соку, выползшему из пострадавшего стебля, прилипли крупницы земли. И вся боль от удара, досада на моё падение ушли перед ужасающим осознанием того, что я, именно я, так как моё тело прижало его к земле, погубил красивый цветок. Первый ирис этого года.

Я всё же поднялся, спрятал ирис за пазуху, не в силах так быстро с ним расстаться, и продолжил поиски. Увы, потом я добыл только керрии, а такие принёс не только я один. И хотя мико и мне благодарно улыбнулась, и меня ласково потрепала по волосам, мне было очень грустно.

Из цветов детей жрица собрала достойный букет, поставила в самую лучшую вазу из всех, которые были в нашей деревне, и водрузила готовое украшение перед алтарём в святилище. Прекрасные розовые камелии, ветки глицинии с россыпями светло-фиолетовых цветов, жёлтые шарики керрии дожидались внимания божества, в то время, пока мой ирис уплывал по реке или же уже погрузился в воду: мне было жалко выкидывать его в грязь на земле – и я отдал его

воде.

Ночью перед мацури мне приснился маленький мальчик с необыкновенно красивым лицом и грустными чёрными глазами. Малыш серьёзно посмотрел на меня и сказал: «Я не сержусь на тебя, Юуки. Я знаю, что ты убил меня не нарочно». Утром мне стало чуточку легче.

Я, мои родители, брат и сёстры проснулись рано-рано. Солнце ярко светило на небе. Было прохладно, но лучи, которыми нас одаряло небо, немного согревали. Мы тщательно причесались, вымыли лица и руки, одели предварительно выстиранную одежду, соломенные сандалии. Мама и сёстры собрали волосы. И мы все вместе отправились к святилищу, около которого у огороженной площадки собирались все селяне.

Моё сердце бешено билось в предвкушении чуда. Самками, покровитель нашей деревни, сегодня придёт на наш праздник, осмотрит деревню и окрестности. Конечно, божества скрыты от человеческих глаз, но вдруг... мало ли?... Я ещё никогда не видел настоящего ками! Ну, только во сне, а это под сомнением, а вот в жизни...

Если бы не широкоплечий отец, мы бы так и не смогли пробраться напрямиком к площадке. Меня он пропустил вперёд, отчего мой младший брат нахмурился. Я глубоко вдохнул, проскользнул в первый ряд. Впился взглядом в священный паланкин за площадкой, около которого ждали четыре

крепких парня, одетых в короткие белые штаны и короткие куртки.

Наш микоси – это небольшой деревянный короб с чёрной лакированной крышей, на крыше которого прикреплены маленькие тории. Микоси украшен кисточками из жёлтых ниток, колокольчиками, задрапирован светлой тканью из конопли, на которой дед Горо нарисовал красивые ирисы.

Вообще, я считал, что в нашей деревне самый красивый священный паланкин. До того, как дед Горо вернулся из паломничества и рассказал о мацури, которые видел, когда странствовал. Все слушали его, затаив дыхание. Уважение к Та-но ками у нас не убавилось, но вот прежнее восхищение нашими трудами, тем, с чем мы встречали ками, заметно убавилось. Хотя все усердно готовились к мацури, создавая необходимые предметы, разучивая танцы, мелодии, песни и совершенствуя старые. Ну, а что делать? В городах паланкин украшают золотыми фигурками и кистями, шёлковыми занавесками, прекрасными узорами, там божеств встречают более роскошно, да и при встрече одеваются красиво, а у нас и праздничной одежды нет. Даже совестно как-то перед нашим Та-но ками за нашу бедность. Впрочем, сама радушная встреча с божеством – уже нечто особенное.

Из мыслей меня вытряхнул разговор, случившийся поблизости, за нами.

– Чужака видал.

– Где?

– Да шёл на рыбалку через бамбуковую рощу.

– Эка невидаль, чужак!

– А вдруг разбойник?

Невольно прислушался. Сам не знаю, что меня так царапнуло в том чужаке.

– Шелкопряды подошли. Ох, что ж делать-то? Как быть? Ведь такое подспорье было!

– Долги эти, эх!

– Ну, хоть перед встречей с Та-но ками не вспоминай ты об этих долгах, жена!

– Да потому сакэ пьют, что священный то напиток!

– Деда, а отчего оно прозрачное, ежели всё, что бродит, становится мутным?

– Да то...

– И каков он?

– Да воин как воин. Молодой ещё. Тридцати не дашь.

– О ком вы?

– Да Юскэ, грит, видел чужака у реки.

– Богами клянусь, видел!

– А когда?!

– А кто?!

– А дня три назад. Воин молодой. Ронин, что ли. Стоял у воды и орал.

– Ой, драка была?

– Кого-то убили?

– Кто, говорите, в реке утонул?!

– Да не перебивайте вы! А чё он орал-то?

О, опять к тому чужеземцу перешли! Интересно!

К счастью, после вопля про утонувшего в реке прочие разговоры среди столпившихся примолкли. Всем, кто рядом стоял, стало очень интересно, кто и отчего утонул. А кто не расслышал – тем сразу же дошептали соседи.

– Вот стоял он на коленях у воды! На меч опирался. В ножнах меч был. Я почему запомнил про ножны, что...

– Да орал-то он отчего?!

– Да не перебивай ты меня, а то ничего не расскажу!

– Да молчу я, молчу!

Тишина.

– Честно, молчу я! Вот совсем молчу!

– Да не перебивай ты меня!

– Да кто там утонул?!

– Да никто не утонул! Там воин бродячий у реки орал.

– А чё орал-то? Отчего?

– Так, ещё слово – иничегось не расскажу вам!

– Да мы уже ничё и не говорим. Стоим и молчим.

– Значит, стоял у воды на коленях он, на воду вроде смотрел. Или поверх. Спиной стоял, не знаю я...

– Да чё он орал-то?!

– Это у него кто-то утонул?!

– Да никто не утонул, заткнитесь все! Так чё он орал-то, Юскэ?

– Кричал, мол, да эдак отчаянно: «О, боги, как же я устал!

Ни к ним, ни к тем. Есть ли кто-то, кто...».

– Кто?!

– Ну, кто?

– Да не знаю я, кто! Ножны его меча вдруг дёрнулись, рукоять сама собой из них вверх всплыла... и как зыркнет на меня драконья морда! Огромный такой дракон! Чёрный-чёрный! А глаза – красные! Зрачки как две нити узкие. Я как заору, да назад. Он обернулся. И у ронина того глаза тоже красные, да с узким зрачком! А лицо белое-белое! Я назад, назад. Вдруг спиной на бамбук молодой налетел, он как спружинит... и меня, короче, вперёд, мордой об землю! А как поднялся, рожу протёр от земли, а рядом... никого!

– Ох, Юскэ! Я, конечно, понимаю, что это вы сакэ для праздника варили, да хорошее у вас выходит сакэ, но, право, столько пить непристойно!

Сакэ?! Значит, ему спьяну примерещился тот чужак или дракон?! Досадно! Про дракона так интересно звучало! Хотя, не знаю, существуют ли в мире драконы? Но Юскэ так говорил, что я было поверил. Да и с воином тем красноглазым тоже вроде хорошо начиналась история. Вот что этому Юскэ стоило подольше рассказать?!

– Да я тебе клянусь, что я парня того с катаной видел! – возмущался рассказчик за моей спиной. – И того огромного дракона, обвинившего его и выглядывающего из-за его спины! Ух, как он жутко зыркнул на меня!

– Ох, Юскэ, Юскэ! – проворчал его собеседник.

– Ну, хоть самурая-то того бродячего точно вроде видел, – уже неуверенно сказал Юскэ.

Парень около священной верёвки ударил в барабан, возвещая о начале мацури и о прибытии Та-но ками. Все сельские подались вперёд, впились взглядами в паланкин, надеясь увидеть, как заволнуется занавесь под невидимыми руками духа ветра, как увидится за тканью силуэт божества или послышится шум его дыхания, сверкнут в глубине и полумраке микоси его удивительные глаза.

Каннуси вступил в огороженное, очищенное место и приветствовал ками, спел в честь него песню. Люди поклонились, шумно и радостно приветствовали покровителя деревни. Приветственные выкрики, речи растянулись надолго. Потом, по едва уловимому жесту священника, парни, которым доверили нести микоси с гостем, заулыбались, тут же резко посерьёзтели, переступили верёвку, степенно подошли к паланкину, подняли его за брусья, прикреплённые к нему, медленно и почтительно понесли к краю площадки. Люди разошлись, образуя широкий проход.

Божество в микоси вступило в свои владения. Встречающие напряглись. Все очень старались, готовясь к визиту Та-но ками, но вдруг кто-то что-то упустил, какую-то мелочь, вдруг божество из-за этого разгневается, лишит деревню своей защиты?

Но гость в паланкине молчал, не спешил никого наказывать, возможно, место очистили достойно, да и улицы убра-

ли прилично, да и ветки сосны с бамбуком, поставленные у входа в каждый дом, украшали деревню более или менее хорошо.

Обход Та-но ками его местности сопровождался многочисленными танцами, песнями и музыкой. Впереди шествия степенно шёл наш каннуси, за ним – мико и староста деревни. После носильщики с микоси. Затем танцующие женщины и мужчины, наши музыканты. За ними бодро шли простые селяне. Вот шествие прошло по деревне, по лесу, по берегу реки, мимо рисовых и других полей. Вернулось через низину к деревне, подошло к крайнему дому, мечтательно устремлённому к небу своей острой крышей. И вот уже показались расстеленные циновки с угощением для гостя и селян, а ветер принёс нам и Та-но ками восхитительный запах свежеприготовленной еды.

Вдруг один из носильщиков, Мамору, споткнулся и упал. Поскольку это произошло внезапно, другие от неожиданности не удержались, рухнув вместе с паланкином. Микоси завалился на бок. Люди зашумели, заволновались, обступили злополучное место. Несколько женщин расплакались.

Каннуси бросился к паланкину, заплакал, умоляя божество о прощении, приподнял микоси, поставил в нужное положение. Тут я увидел на земле лепестки камелии. Нежно-розовые, ещё не тронутые увяданием, ещё живые и полные сил, они ярко выделялись на сухой коричневой земле. Никто из селян не нёс этих цветов, да и на дороге для процессии их прежде не было. Мы шли утром мимо этого дома, так что я своими глазами видел, что дорога была чиста.

Да и кто бы поспел её запачкать перед появлением покровителя деревни? Выходит, лепестки выпали из паланкина. Наверное, ками вселился в цветок камелии. Если он там был. Вдруг там, в микоси, кроме красивого цветка ничего и никого нет?

От этого предположения моё сердце испуганно замерло, потом забилось робко и тихо-тихо. Ну, не может же так быть, что бы Та-но ками не существовал! Кто же тогда будет за нами следить, защищать нас?! А если... если вообще ками в этом мире нет?

С большой почтительностью, медленно, каннуси опустился на колени, поднял один из лепестков и осторожно отправил в священный паланкин, за занавеску, к которой прилипло чуть-чуть сухой земли. Так постепенно священник переложил все выпавшие лепестки внутрь, бережно отряхнул занавеси. Сын старосты вместе с младшей мико сбегали к храму, принесли кусок чистой новой ткани, которой каннуси тщательно вытер паланкин, сопровождая очистку поклонами и бесконечными извинениями.

Все напряжённо смотрели за ним, ожидая реакция божества. Только я отошёл и наблюдал невнимательно. В тот момент, когда Мамору уронил священный паланкин, когда я увидел выпавшие лепестки розовой камелии, во мне что-то съёжилось и угасло. Раньше ни на мгновение не сомневался в существовании божества, теперь... о, боги, что со мной сделалось теперь? Откуда эти дурные мысли? Мной завладел

какой-то злой ками или... что со мной? Что?!

Процессия двинулась к домам, к угощению. Люди боязливо посматривали на микоси, хмурились. Кажется, всё вокруг стихло и испуганно сжалось. Даже музыка стала какой-то нервной.

Когда паланкин торжественно опустили на очищенное прежде место, когда самые красивые наши девушки медленно и грациозно опустили перед микоси самое роскошное угощение, какое только могло быть в нашей деревне, началась совместная трапеза с божеством. Точнее, люди ели, пили рисовое вино, шутили, пели песни для Та-но ками, рассказывали шутки, а покровитель деревни, как считалось, слушал, смотрел на нас и вкушал пищу.

Я сидел поодаль. С моего места было не видно священный паланкин с гостем, да, собственно, меня это мало расстраивало. Жевал рис, приправленный соевым соусом, но почти не чувствовал вкуса. Крестьяне выращивают рис, но сами редко его едят, так как он – для людей нужных и благородных, то есть, не для нас. Так что мне следовало бы обрадоваться такой возможности, но...

Барабаны бодро задавали темп празднику, вслед за ними звучали бронзовые гонги, флейта, сямисэн. Танцоры своими неистовыми плясками или медленными танцами развлекали трапезничающее божество и собравшихся прихожан. Вслед за взрослыми выступали дети. Моя младшая сестрёнка Асахикари танцевала, держа ветку цветущей камелии. Движе-

нии Аса-тян были простыми: она всего-то поворачивалась вокруг, да на разный манер взмахивала веткой, но отчего-то у семилетней малышки проявилось столько лёгкости в движениях, столько грации во взмахах рукавов кимоно, что все – и взрослые, и дети – застыли в восхищении. Я, признаться, был удивлён её выступлением, так как она никому из родных не сказала о том, что готовится танцевать во время мацури. Ах, как блестели её светло-карие глаза, когда она проскользнула в танце около меня! Казалось, лицо девчонки излучает нежный свет, а может, то просто место было такое, где по-особому падали солнечные лучи на землю. Признаться, у меня не имелось никаких достоинств, но я гордился танцем Асахикари, как своим собственным достижением. Сестрёнка была прекрасна!

Селяне пили, ели и танцевали всю ночь. На рассвете торжественно и тепло попрощались с ками. Каждый, будь то взрослый и ребёнок, норовил что-либо сказать покровителю деревни. Я поблагодарил его за защиту сестёр, родителей и брата от болезней. Хотя сомнение продолжало грызть меня изнутри.

Зажгли большой костёр, чтоб он осветил ками дорогу. Долго смотрели на огонь. Потом дружно убрали остатки еды. Нетронутую божеством пищу отнесли к каннуси. Подмели место, где происходила совместная трапеза людей и божества. И разошлись. Всем предстояло немного сна и последующие будничные заботы.

Мне не удалось сомкнуть веки ни на мгновение, так как неприятные думы терзали меня.

Существуют ли камы или нет? Я думал об этом несколько дней подряд, с того мига, как просыпался, до того мгновения, пока не ложился спать. У меня пропал аппетит, начала часто мучить бессонница. Такэру проворчал, что от меня одни беды, вечно им приходится со мной возиться, а помощи от меня никакой. Держался, старался улыбаться родным почаще, не подавать виду, будто меня что-то беспокоит.

Как-то мама затеяла стирку. Сёстры должны были ей помогать, но я напросился вместо них. Надеюсь, хотя бы постирать смогу нормально. А девочек попросил поупражняться в приготовлении обеда, пока я и мама будем у реки. Сёстры не возражали, а хозяйка дома насторожилась, услышав мою нелепую пользу. И всё-таки взяла меня с собой, навалила в мои подставленные руки такую кипу одежды, что с трудом дотащил. Увы, отцу в поле я ничем помочь не мог: уж слишком слабым уродился. Младший брат и то сильнее меня.

Какое-то время мы стирали молча. На берегу реки кроме нас никого не было. Нежно грело нас солнце, ласково журчала вода в реке. Около моих ног в слегка колышущейся воде резвились солнечные блики. Должно быть, вся поверхность реки представляла собой сейчас на диво красивое зрелище. Хорошо хоть мама может на него посмотреть.

Неприятные мысли вылезли неожиданно, нарушив наше

мирное времяпрепровождение. Долго-долго, терпел, потом не удержался, робко спросил:

– Мама, а камни точно существуют? Есть ли у нашей деревни свой Та-но камни?

– Ах ты голландец эдакий! – мать змеёй взвилась с земли, замахнулась на меня палкой. – Да как у тебя язык повернулся?! Как ты посмел усомниться в существовании божеств?!

– Я... не хотел. Не надо! Не бей меня! – испуганно засло-
нился руками, слишком тонкими и слабыми, чтобы они могли хоть как-то спасти мою голову и тело. – Я верю! Клянусь, верю! Просто тогда, когда во время мацури Мамору уронил священный паланкин, тогда откинулось покрывало и там... там ничего не было... только лепестки...

– Камни скрыты от человеческих глаз! – прошипела мать. – Простые люди, тем более, такие никчёмные мальчишки, как ты, не смогут их увидеть!

– Но... если это... обман?!

Она стирала далеко от меня, однако я различил, как она подняла руку с палкой, которой ударяла по белью. Неужели опять меня побьёт?

Бросил выстиранное кимоно на берег и припустил по песчаной отмели. Женщина побежала за мной. Ох, так она меня быстро догонит: её ноги длинные и сильные, не то, что мои! Надо свернуть в лес.

– Куда ты одежду бросил?! – вскрикнули позади меня.

Догонит и побьёт. И отец далеко, не вырвет меня, не за-

слонит своим широким, сильным телом.

– Прости меня, Та-но ками! – выдохнул я, задыхаясь от бега, едва не налетев на сосну. – Я очень плохой мальчишка! Прости и защити!

Остановился, оглянулся. Между матерью и мной оставалось немного и, даже не видя её, понимал, что лицо у неё сейчас как у демона. О, ками, спасите!!! Я ещё недавно сомневался в вашем существовании, но умоляю вас, спасите!!!

Нырнул в заросли молодого бамбука, слишком густые, чтобы мать могла быстро пролезть между ними, а для меня, тощего и низкого мальчишки – самое оно. Задыхаясь и тяжело дыша, выскользнул на берег, около груды бледно-серых, почти белых камней. Неподалёку от меня трещал тростник, через который прорывалась моя мать. Ох, заросли закончились, а на берегу мне не спрятаться! Может, утонуться? И прощай тогда моя милая Асахикари, прощайте рассказы отца о битве Тайра и Минамото, о морском сражении при Дэнноура, прощайте всё жестокие люди, которым так нравится срывать на мне злость! О, боги, я не хочу умирать! Но я устал жить так!

Луч солнца выскользнул из-за грязных серых туч, упал на верхний камень, соскользнул с него вниз, на узкую щель у самой земли. Затрещали, зашуршали стебли тростника совсем рядом со мной. Она почти догнала!

Если там слишком узко, то я застряну ногами наружу – и тогда мать непременно побьёт меня, прежде чем вытащить,

а если достаточно просторно, тогда отсижусь. А сумею ли вылезти? Да лучше я там с голоду умру, чем ещё раз попаду в руки разгневанной матери!

И я отчаянно юркнул в щель, мысленно призвав на помощь духов предков.

Боги оказались милостивы – в дыре было не только просторно, но ещё и песок, редкая трава были достаточно скользкими, чтобы смог быстро залезть внутрь. Там съёжился, обхватил колени. Сердце колотилось так, словно хотело растерзать тело изнутри и вырваться. А может это оскорблённый Та-но ками невидимый стоял около меня и, пользуясь своей силой, пытался вырвать из меня сердце? Ох, она же услышит, как я дышу!

Испуганно зажал рот рукой, задержал дыхание. Тишина. Может, она сейчас недоумённо стоит около груды камней или уже заметила в щели мои тощие ноги и набедренную повязку?

– Юки... – растерянно произнесла мать, стоящая шагах в десяти от моего укрытия. – Куда же ты пропал, Юки?.. Юки!

Мне уже поплохело, так и хотелось убрать тонкие пальцы, глубоко вдохнуть или шумно втянуть в себя воздух.

Зажал себе нос. В глазах помутнело. Камни, укрывшие меня, начали сжиматься.

– Да где ж ты?! – крикнула мать сердито.

О, ками, сохраните никчёмного и глупого мальчишку! Как мне дурно...

Что-то зашуршало в бамбуковых зарослях. Моя мучительница сердито вздохнула и направилась туда. Я задышался, но всё ещё мешал себе дышать. Наверное, сегодня я так отчаянно взмолился к богам, что сама солнечная богиня отвлеклась от своих важных небесных дел, чтобы взглянуть на того, кто так громко кричал на земле, смилостивилась и указала мне на эти камни! И, поскольку Амаэрасу оказалась столь милосердной ко мне, ничем не заслуживающему её милости, ещё недавно дерзнувшему вслух усомниться в существовании духов природы и предков, я обязан сохранить её милость, должен укрыться от матери!

В голове зазвенело, и не то между камнями перестал проникать свет солнца, не то у меня в глазах потемнело.

О, боги, помогите мне выдержать!

– Да дыши уже, дурень! – шепнул мне кто-то в ухо.

От неожиданности убрал руку, повернул голову в сторону говорившего, ударился ею о камень, от растерянности глубоко глотнул воздух.

Спустя некоторое время пришёл в себя. Ушибленная голова болела, между камнями было мокро и холодно. Ещё бы, ведь на мне одето только фундоси! До того долго не дышал, что мне даже голос какой-то примерещился!

Какое-то время сидел, дрожа от холода, обнимая тощие, слабые ноги. Если бы не солнечный луч, указавший мне это укрытие, мать бы непременно нагнала меня и побила. И за что она меня так ненавидит?! Я же их первенец! И не назло

же им я родился таким слабым, с такими плохими глазами, чётко видевшими шагах в двух-трёх вокруг меня! Да если б я выбирал, каким мне родиться, ужели ж выбрал такое тело? Ужели же я хотел, чтобы все злые сельчане и их жестокие дети подкрадывались ко мне, пользуясь моим слабым зрением, и били бы, швырялись в меня грязью, тухлыми овощами и рыбьими внутренностями?!

Шумно вдохнул и выдохнул.

Память, издеваясь надо мной, подкинула картины недавнего прошлого. В том числе, про рано зацветший ирис. Мне стало так грустно, как и в тот день, когда увидел у своих ног его раздавленный цветок и переломанный стебель.

Просидел в убежище несколько часов, прежде чем рискнул вылезти. К счастью, духи камней выпустили меня столь же охотно, как и прикрыли. Если б у меня было, что поднести им, непременно отблагодарил!

Солнце висело прямо надо мной. Страшно хотелось есть, но вернуться домой не осмелился. Лучше подожду до вечера и вернусь после отца. Тот не даст матери меня обидеть. Он добрый. Заботливый. Сильный. Вот только если у него будет хорошее настроение, отец начнёт рассказывать увлекательные истории о великих войнах и битвах, а я их так и не услышу. А вернусь пораньше – и мать обязательно накажет меня за святотатство и брошенную на берегу одежду, за мой побег. Эх, так и не помог ей со стиркой.

А есть хотелось. В реке около берега, почти у самых моих

ног, насмешливо поплёскивала серебристыми боками большая рыба.

То ли глупость моя разыграла, то ли голод. В общем, я снял с себя фундоси, размотал и полез в воду, ловить тканью ту толстую рыбину.

На берегу вдруг мерзко засмеялись. Обернулся, сощурился, смотря на человека, отсюда казавшимся большим серо-жёлтым пятном.

– Рыбку ловишь, мальчик? – насмешливо уточнил незнакомый мне старик. – Ежели милость богов будет велика – и случится чудо, то не побрезгуешь ли ты есть добычу после этого?

Будь я на его месте, наверное, и сам бы потешался над худым, низким мальчишкой, снявшим набедренную повязку, развернувшим её и пытавшимся использовать вместо сети. О, боги, и почему людям так нравится надо мной смеяться? У меня на лбу, что ли, написано «смейтесь, пожалуйста, погромче»?!

– Знаешь, мне и самому хочется свежей рыбки, – добавил незнакомец миролюбиво. – А вода нынче холодная, брр! Давай я дам тебе мешок, а ты, когда поймаешь что-нибудь, поделишься добычей со мной?

Обычно мне не везло. И, уж тем более, с моим-то зрением, да при помощи ткани от фундоси или мешка я вряд ли что-нибудь поймаю! Но желудок ворчит, гложет меня изнутри, а домой возвращаться страшно.

Вылез из воды, опять обвернулся фундоси, хорошенько потёр руки о мокрый песок. Робко подошёл к старику, внимательно заглянул ему в лицо. Он был высокий, потому взирал на меня сверху вниз, но его тёмные, почти чёрные глаза светились добротой и озорством. А белые-белые волосы нагло выбивались из пучка на голове. Поверх дорожного кимоно он укрылся соломенной накидкой, на голову одел широкополую шляпу из того же материала. В руках у него был мешок. Он задумчиво оглядел меня, недовольно цокнул языком, потом с кряхтением сел, вывалил на сухой песок содержимое своего мешка: нож, старые палочки для еды, книгу, закупоренный длинный, узкий сосуд, небольшой свиток – бумага крепилась к узорчатому шёлку, валики были сделаны из тёмного дерева, а так же не то большой сложенный кусок ткани, не то свёрток.

С мешком, вручённым мне смешливым путником, я полез в воду. И о чудо! С моими-то дрянными глазами да в краткий промежуток времени мне удалось поймать в мешок ту самую, наглую толстую рыбину, которая дразнила меня, блестя чешуёй! Неужели, ками наконец-то вспомнили о моём существовании?

Рыба, тяжёлая и сильная, билась в мешке, желая вырваться. Я с трудом тащил мешок по берегу. Старик, наблюдая за моими усилиями, долго хихикал.

– А ты храбрый: не побоялся такого монстра, – язвительно заметил путник, поднимая нож с песка.

Он шагнул ко мне, я – попятился. И когда он требовательно протянул свободную руку ко мне, торопливо вернул ему и его вещь, и мой улов. Он достал рыбу, отбросил мешок мне: – Вымой его как следует!

И я послушно поплёлся выполнять приказ. Страшно перечить вооружённому, пусть и совсем уже седому. К тому же, он не похож на изнурённого крестьянина: спина прямая, голова высоко поднята, острый взгляд. Как будто он воин. А с самураями ссориться опасно.

Когда вернулся с тщательно отмытым мешком, старик уже сидел поодаль от своих вещей и нарезал кусками обезглавленную, выпотрошенную рыбою тушку. Мой живот завистливо заурчал, но попросить хотя бы маленький кусочек собственной добычи я не решился.

– Пока тебя дождёшься – с голоду загнёшься! – проворчал незнакомец. – Я едва сдержался, чтобы всю рыбину не съесть! Экий ты мерзкий мальчишка: искушаешь голодного одинокого старика! Должно быть, родители назвали тебя Черепухой!

Срываюсь на крик:

– Я не Камэ!

– Как ж тебя звать-величать, охотничек? Может, Юуки, Смелый?

Он, смеясь, назвал моё первое, самое драгоценное и любимое мной имя, как меня звала одна лишь Асахикари! У меня перехватило дыхание. С усилием произнёс:

– Я – Юки, «снег».

– А мне подумалось, что тебе больше идёт зваться Смелым, – старик задумчиво сощурился, – потом приказал: – Притащи-ка мой сосуд – и приступим к трапезе.

Неужели, он хочет со мной поделиться? Кажется, сами боги подтолкнули его к этой реке!

Мы сидели на берегу, разложив останки рыбы на широких листьях – он велел мне принести их, так как не любит, чтоб песок на зубах скрипел – и ели тоненькие кусочки, обильно поливая их соевым соусом. Добрый путник разрешил мне брать сколько захочу.

– А как вас зовут, господин? – не выдержал я.

– А тебе зачем? – уточнил он, зажав кусок мяса в белых, здоровых зубах, какие почти никогда не увидишь у стариков.

Честно ответил:

– Я попрошу нашего Та-но ками, чтоб он при встрече с другими божествами замолвил о вас слово.

Он недоумённо моргнул, потом захохотал, подавился. Кинулся заботливо бить его по спине. Не дело такому хорошему человеку умирать из-за жалкого куска рыбёшки! Вот только в моих тощих руках было слишком мало силы. К счастью, обошлось.

– Звать меня Сироиси, – представился путник, откашлявшись.

– Белая скала?

– Нет, Белый камень, – объяснил старик смущённо.

Восхищённо выдохнул:

– У меня сегодня аж два радостных события! И оба благодаря белым камням! Вам и вот им, – указал рукой на большие светлые камни, лежавшие неподалёку – они были такие большие, что отсюда мне их видно как два больших бледно-серых пятна на фоне голубого неба. – Они спрятали меня от разгневанной матери.

– Отчего ж она рассердилась на тебя, Юуки? – участливо спросил путник, почему-то назвав меня моим первым именем.

– Ну, я ей сказал, что... может быть, ками не существует! Но я не Смелый, я – Снег...

Старик сердито цокнул языком, но ругать меня не стал. Слопал ещё один кусок мяса и сочувственно прибавил:

– Должно быть, тяжело тебе живётся!

– Ага! – вцепился зубами в новый кусок рыбы, забыв полить его сёю.

– А если бы ты однажды встретил настоящего ками, и тот бы любезно обещал исполнить одну твою просьбу, что бы ты попросил?

Сердито говорю:

– Такого не бывает!

– А если бы произошло?

Я молча потянулся за новой порцией еды и за сосудом с соусом.

– Слушай, если ты не определишься и долго будешь ду-

мать, то ками рассердится и уйдёт! – проворчал Сироиси.

– Ну, ф мифе есть мнофо прияфных вефей...

– И всё же? – не отставал любопытный путник. – Богатство? Славу? Любовь прекрасной дамы или даже принцессы? Впрочем, тебе ещё рано об этом думать, – он подался вперёд, отчего мы едва не столкнулись лбами. – Месть обидчикам? Знатность и богатство для всей семьи? Родовитого щедрого тестя и красавицу-невесту в будущем? Может быть, чтоб она ещё и была добра? Или тебе хватит красавицы жены? А если б ты выбирал между доброй бедной невестой и красивой богатой, то какую бы захотел? Или тебе хочется стать удачливым? Тогда тебе достанется многое другое.

Прожевав и проглотив нежное мясо, уточнил:

– А вам зачем?

– Меня давно уже интересуе, какое самое сокровенное желание у людей, – усмешка скользнула по губам, заляпаным сёю. – Мы с моим... – он поморщился. – С моим родственничком поспорили как-то о человеческих желаниях. Он сказал, что все люди мечтают об одном и том же, а я возразил, что между тем найдётся хотя бы сотня-другая дураков, которые мечтают о чём-то своём. С тех пор я собираю диковинные желанья. Жаль, их слишком мало. Не могу вернуться домой: он будет смеяться надо мной, если вернусь с пустыми руками.

Станный человек.

– Юуки, допустим, божество, которое ты повстречал, до-

статочно доброе, чтобы не бросить тебя, в муках обдумывающего ответ. И оно предложит тебе следующее: или сделать твои глаза здоровыми, или сделать тебя богатым, знатным, успешным и сильным. Например, ввести тебя в достойный и богатый самурайский род как законного наследника. Что бы ты выбрал?

– Настоящим самураем? Да ещё и наследником клана?!

Воображение моё тотчас же нарисовало смелого, сильно-го, величественного воина в доспехах. Самурай стоял на поле битвы, впереди своего войска, не менее отважного и сильного. Впрочем, лучше, чтоб чуть-чуть поменьше, а то я, как предводитель, на их фоне потускнею.

Сироиси отчего-то рассмеялся, смотря куда-то вбок. Я не стал оборачиваться. Бесполезно. Мир дальше, чем на два-три шага вокруг меня расплывается в большие и мелкие разноцветные пятна.

Моё воображение принялось рисовать другие детали сладостной картины. Вот сильное вражеское войско напротив моего. И вперёд выходит его отважный и могущественный предводитель, примерно такой же, как я. Нет, чуть послабее. Но тогда победа над ним ничего не будет стоить! Ладно, он равен мне или даже лучше меня! И он перечисляет всех своих доблестных предков, потом называет себя и предлагает смельчаку из моего войска с ним сразиться в честном и трудном поединке. И вот я выхожу вперёд, перечисляю свою многочисленную отважную и знаменитую родню...

Старик снова засмеялся, уже смотря на меня. Да, я тощий, болезненный и жалкий! Мне одиннадцать лет, но по виду мне дают не больше восьми! Куда уж мне приставать к ками с разными просьбами, тем более что отблагодарить я их толком не смогу!

А воображение, смеясь надо мной, яркими красками рисовало долгий и опасный поединок двух предводителей, который окончился только тогда, когда они оба рухнули от усталости. И, поднявшись, они стали друг другу верными друзьями. И потом, сражаясь по повелению сёгуна, они шли в бой плечом к плечу. И они совершали вдвоём бесчисленное количество подвигов! И... и... и в них влюбились две сестры-принцессы! И когда два друга возвращались к битвам, то их прекрасные и добрые жёны долго стояли на дороге и, плача, смотрели им вслед.

Оно, конечно, не хорошо причинять боль своим близким, но когда мужчина дорог сердцу молодой красавицы – это очень для него приятно. Я слышал, как взрослые говорят. Кстати, став известным и богатым, я мог бы найти хорошего и доброго мужа для Асахикари! Может, её захотел бы сделать своей наложницей сам император! Она прекрасна, милая моя Асахикари! И она стала бы одной из жён императора и, может быть, родила бы ему наследника. Да, она заслуживает самой лучшей доли и потому...

– Скоро солнце сядет, – прервал мои мечтания Сироиси. Я угрюмо покосился на яркий жгучий шар, который

скользил к земле, точнее к разным расплывчатым пятнам. Говорят, что закат прекрасен, но я никогда не видел его. И моей любимой Асахикари я могу любоваться, только сидя возле неё.

– Так что бы ты выбрал? – не отставал любопытный старик.

Ответил, не раздумывая:

– Мне хватит возможности увидеть мир, пусть даже на один день!

– Только на один?

– Хотя бы так.

– Странный ты мальчик.

Отчего-то глаза мои закрылись, я бессильно упал на песок. И не то мне приснилось, не то мой знакомый и в правду ласково сказал:

– Юуки, ты самый милый из всех моих...

Утром отец нашёл меня на берегу, долго тряс и ругал. Когда я недовольно открыл глаза, то обомлел: разноцветные пятна, большие и малые, прежде окружавшие меня, желающие задавить меня в своих лапах, вдруг превратились в нечто... иное... необыкновенное... прекрасное...

Я долго растерянно озирался, потрясённо пялился на окружившее меня чудо. На золотую полоску, скользившую по речной глади, на посветлевший краешек неба.

– Папа, это...

– Что? – спросил мужчина сердито.

– Это чудо называется рассветом?

Он долго молчал, потом растерянно спросил:

– Так ты видишь?

И я наконец-то понял, почему мир вокруг меня вдруг стал таким красивым! И счастливо ответил:

– Да, я вижу!

Тут вспомнил вчерашнего незнакомца и его странные вопросы о том, что бы выбрал, если бы ками предложил исполнить одно моё желание. И грустно добавил:

– Но если господин Сироиси не соврал – это только на один день.

Отец вздрогнул, пристально взглянул на меня. Попробовал его ободрить:

– Не волнуйся, папа! Мне хватит и одного дня! Я так давно мечтал увидеть мир, какой он есть. Даже если на один лишь день – это бесценный подарок богов!

Тут всё понял и испуганно закрыл рот рукой: вчера мне встретился настоящий ками! Значит, они существуют! И раз уж есть божества, то должны существовать и другие духи, боги и существа!

– Ты... он сам сказал, как его зовут? – взволнованно уточнил отец.

– Да, он представился как Сироиси. А ты... что-то знаешь о нём?

– Я боюсь тебе об этом рассказывать. Дети не умеют хра-

нить обещания. Если же ты кому-то проболтаешься, то не только ты, но и вся наша семья может пострадать.

Вцепился в его руку:

– Отец, расскажи! Умоляю! Клянусь, я никому не скажу! Я лучше себе язык откушу или зарежусь как самурай! То есть, не как самураи, но точно зарежусь!

Мужчина помрачнел.

– Как самурай, значит? Следил бы за своими словами, дурачина! Если подобные слова от крестьянина услышит настоящий воин – ты лишишься головы.

– Отец, расскажи! Клянусь тебе, как мужчина, что буду молчать!

– Я просто о тебе волнуюсь, глупышка! – он взъерошил мои волосы своей шершавой, сильной ладонью, потом задумчиво произнёс, смотря на встающее солнце: – А впрочем, не понимаю, стоит ли мне молчать? Ведь он сам тебе явился, более того, с подарком, значит, ты его чем-то заинтересовал.

Отец сел на песок и хлопнул ладонью по берегу около себя. Я торопливо сел, внимательно смотря на лицо родителя.

– Когда-то мои предки были купцами, довольно-таки богатыми, – мужчина не грустил о недошедшем до нас богатстве, но почему-то не смотрел мне в глаза. – Тогда у нашего родового божества был собственный храм. А теперь мы даже алтарь ему достойный приготовить в доме не можем. Однако он пришёл к тебе и подарил чудо. Может, Сироиси нас простил?

– Так он – наш удзигами? – вскричал я радостно.

И получил болезненный подзатыльник от отца.

– Прости, я более не буду упоминать о нём!

Отец попросил не напоминать более о том, что мои предки – купцы. Мол, тут нечем гордится. Самое почётное, когда человек – достойный самурай. И мне показалось, что уж слишком омрачилось его лицо при этих словах. Как будто он о чём-то важном умолчал.

Но время текло, впереди у меня был только один день, чтобы рассмотреть мир хорошенько, так что я не стал задумываться о странном лице родителя. И побежал по берегу, поднимая тучи мелкого песка, наблюдая, как меняется мир вокруг меня. Целый день я смогу прожить, видя всё вокруг! Это бесценный дар от духа-предка!

2-ой Синий

Наверное, никто и никогда не разглядывал мир с таким восторгом, как я в этот необыкновенный день. Временами вспоминал, что попросил эту способность на ничтожно короткий срок, но тут же одёргивал себя, ведь красота не может быть вечной – иначе это уже не красота. Взять цветы сакуры, которыми любуются везде, от крестьянского дома до императорского дворца: они облетают через несколько дней, потому каждый миг их расцвета прелестен. Жалко, я так и не увижу цветущую сакуру целиком, так и буду рассматривать нижние ветки. А впрочем, я очень рад, ведь если бы не Сироиси – этот день никогда бы не случился, праздничный, сладкий до умопомрачения и горький, как никогда прежде.

Я бегал много и бродил долго, но голод меня не посетил: сегодня утоляю иной голод: всю мою жизнь страстно мечтал увидеть мир целиком. Сожалею ли я, что попросил улучшить зрение на день? Ну, только от того, что ничего не пожелал для Асахикари. Знал бы, что Сироиси не шутит – попросил бы что-нибудь для моей ласковой сестрёнки, а так у меня чудо, а у неё ничего. И это так же омрачает мой день, как осознание его скоротечности.

Где-то после полудня опять забрёл в бамбуковую рощу. Любовался стволами, уходящими вверх, наслаждался пением их листы над струнами ветра. А потом услышал стран-

ный звук, словно ребёнок плакал. Вспомнил, как меня обижали брат и деревенские мальчишки, и бросился туда, где что-то стряслось.

Кто-то вырыл глубокую яму в лесу, да и выложил её изнутри тростником, тот щедро полил каким-то жиром или маслом. И ещё маленький угловатый и острый камень на дно положил. Судя по многочисленным тонким веткам и листве на дне – ими прикрыли ловушку. И сейчас в яме на веточках и листьях уныло сидел молодой барсук, с ушибленной правой передней лапой. А детский плач смолк, словно его и не бывало вовсе. Неужели, это оборотень? Ведь плач мог быть проделкой этого пленника. Точнее, попыткой вызвать подмогу.

Зверь поднял голову и, как мне показалось, посмотрел на меня с непередаваемой мукой. А ведь придут охотники – и убьют бедолагу. Или он до их прихода от голода сдохнет. Грустно быть маленьким и слабым. Но если я сейчас попробую его вытащить, то потрачу драгоценное время! А до завтра барсук может не дожить. Но я увижу меньшую часть мира, чем мог бы. Ну, и чем тогда я лучше моих мучителей? Ох, до чего же они мне противны! И быть таким жестоким, как они, не хочу!

Огляделся. Не нашёл ничего, чем можно зацепить зверя и вытянуть из ямы. Да и слаб я, а он – хоть и молодой, а всё ж таки тяжёлый. И нет камней, чтобы потихоньку опустить в ловушку – и вырастить в ней горку, с которой бы пленник

смог выскочить наружу.

Вздыхнув, принялся руками разгребать землю неподалёку от ловушки и в пригоршнях таскал её в яму. Барсук сначала косился на меня с недоумением – морда у него была очень выразительная, потом разгадал мой план, оживился. Стал сгребать закинутую мной землю в кучу, вместе с ветками и листвой. Чем чаще я относил землю в ловушку, тем больше мне казалось, что затея моя бредовая. Ну да говорят, что плотина разрушается от муравьиной норки.

До того много бегал, гулял, не ел толком. Так что от рытья земли и переноски её понемногу совершенно намаялся. Потом придумал снять фундоси и носить землю в нём. Так выходило немного больше, чем в пригоршнях. А потом, устав, споткнулся, да вместе с набедренной повязкой и землёй попал в яму. Прямо на потрясённого барсука. И остались мы в яме вдвоём, с небольшим камнем да маленькой кучей земли. Обидно стало едва ли не до слёз. Неужели, так мой необыкновенный день закончится? Нет, ни за что! Я всю жизнь мечтал о чуде!

Слез со зверя. Отдышавшись, извинившись перед барсуком – ему не понятно, но мне от этого менее совестно – надел фундоси, сел поудобнее, присмотрелся к внутренности ловушки. Яму не просто выложили скользким бамбуком – перед тем, как полить его, стебли накрепко связали рисовой верёвкой. Впрочем, образованные коврики в короб собирать не стали. Так что попробую отковырнуть на сгибах.

Ковырял долго – бамбуковые стенки и дно закрепили чем-то ещё. Барсук угрюмо шуршал за моей спиной. Сначала не обращал внимания, потом не стерпел, обернулся. Зверь когтями здоровой и больной лапы старался поддеть две боковые стенки ловушки. А те, как оказалось, были сцеплены в трёх местах, а не по всей длине. Да только лапа у него болела, поэтому он всё никак справиться не мог.

Тихо и ласково сказал:

– Ну-ка, подвинься, дружище барсук!

Зверь слегка отодвинулся.

– Какой ты умный! Ну, взяли!

Барсук просунул когти здоровой лапы между боковыми стенками, я просунул в образовавшуюся щель руку, потом ещё одну, потянул стенки в стороны. Как ни тужился, разорвать не смог. Оторвал от земляного бока ловушки две бамбуковые стенки, да и полетел с оторванным назад. Мой помощник успел отскочить, так что новое моё падение вышло неудачным. Чуть погодя я отделил тростниковое покрытие ловушки от самой ямы, смял тростник, сверху положил камень, оставленный злыми охотниками, сверху присыпал землёй, ветками и листьями. Получилась горка, но небольшая. Ни я, ни барсук не смогли бы вылезти, поднявшись на неё – до верха мы не дотянемся. Но я мог залезть на образованную кучу и поднять барсука вверх, а тот бы выскочил наружу. Тогда останусь один до прихода охотников. Может, с голода помру. А если буду с барсуком, то смогу его съесть. Впро-

чем, это будет трудно – вон он как подобрался, будто мысли мои понял. Он хоть и раненный, а сильный. А я уже устал. Да и шкуру с него снимать чем? И не сырое ж его мясо есть! А дождусь охотников вместе с ним – так те убьют беднягу. Нет, так не годится!

– Ладно уж, я тебя подниму, так высоко, как смогу, а сам буду ждать возвращения этих негодяев.

Барсук посмотрел на меня как-то не по барсучьи серьёзно и почти без сопротивления дался мне в руки. Я забрался на сооружённую кучу, со стоном поднял этого тяжёлого зверя аж до моих плеч. Поднять его на вытянутых руках не смог. Ну да он сам мне на голову влез, напрягся, оттолкнулся лапами, оцарапав мне шею и ухо – и выпрыгнул наружу. И остался я один, голодный и усталый. Так и кончится этот счастливый день.

Совсем ничего прошло, как вдруг меня окликнул знакомый голос. Поднял голову – и увидел маму. Она легла на землю, улыбнулась мне и протянула вниз смуглую руку. Я вцепился в неё, она поднатужилась и выдернула меня. Я кубарем покатился по земле, налетел затылком на ствол бамбука. Сел, повернулся к ней. Мама нежно смотрела на меня.

– А я так волновалась из-за тебя, Юуки! Пошла искать, где же ты...

И хотя солнце уже скоро зайдёт, моя душа наполнилась ликованием: она пришла за мной, она беспокоилась за меня, она ни капли на меня не сердится! А мама стояла и ласково

мне улыбалась. Она только раз была так нежна со мной, в прошлом году, когда я тяжело заболел и все думали, что уже никогда не встану. Но неужели она забыла, что я сказал про камни? Простила за побег и брошенное бельё?

А мама с любовью смотрела на меня и улыбалась, так добро и тепло, как никогда прежде.

Вздвогнув, сплюнул на указательный палец левой руки и протёр им бровь.

Передо мной стоял на задних лапах тот самый молодой барсук с ушибленной лапой. Я испуганно отступил назад.

– Не хотел тебя пугать, мой юный спаситель, – виновато признался оборотень. – Просто хотел вытащить. Раз уж ты мне жизнь спас, надо тебя отблагодарить, как следует.

– А-а... – протянул я растерянно.

Да и что ещё тут сказать? Видал я раньше мёртвых барсуков, а вот живого, да ещё и оборотня, встречать прежде не приходилось.

– Раз уж ты меня другом назвал, могу тебе чем-то помочь, – дружелюбно предложил спасённый.

– А... а ты можешь мне зрение вылечить?

– Я не ками. Проси у них.

– Ну, тогда и не знаю, что попросить.

Барсук усмехнулся:

– Что ж, тогда пойду, поем.

Он опустил на четыре лапы и, ковыляя, двинулся прочь.

– Стой!

Зверь послушно остановился, недовольно посмотрел на меня. Видно, благодарностью его от рождения обделили. Только выбрался, толком не поблагодарил – и уже собрался на поиски еды. Или же он в ловушке очень долго просидел и очень проголодался.

– Может... мы могли бы пообщаться? Ну, когда-нибудь.

Ведь нужно же человеку с кем-то говорить, а у меня друзей нету.

Подумав, спасённый молвил:

– Если я тебе понадобится, мой маленький друг, проси других зверей позвать Акутоо.

Расхохотался. Такое мрачное имя совершенно не шло этому юному и несчастному созданию.

– Я – настоящий злодей! – возмутился барсук. – Я уже две с чем-то сотни людей надул!

– Да ну! Небось, преувеличиваешь!

Оборотень оскорбился и ушёл, сколько я ни извинялся и не звал его обратно. Ну, что я мог с собой поделаться? Уж очень странно смотрелся зверь по имени Злодей! Даже если он и в правду столько людей обманул. Впрочем, это барсук, а те – жуткие обманщики. И уступят в хитрости и вредности одним только лисам. Однако он назвал меня другом. Хотя от подаренного удзигами дня уже мало чего осталось, у меня появился первый друг. Если Акутоо не соврал. Ну, у меня хотя бы есть маленькая надежда на появление приятеля. Это лучше, чем ничего не иметь.

У реки полюбовался на заходящее солнце – это и в правду оказалось восхитительное зрелище, особенно, когда видишь его в первый и последний раз. В сумерках устало побрёл к деревне.

Деревянные дома, их угловатые узкие крыши, напомнили мне верующих, молитвенно сложивших ладони. Дополняло сходство то, что крыши домов были развёрнуты в одну сторону: скаты крыш – на восток и запад, фасады – на север и юг. Помню, так сделали, чтобы подставить зимним ветрам меньшую часть крыши. Однако сейчас дома похожи на группу прихожан перед синтоистским храмом. Потемневшая солома, тёмные силуэты домов придавали деревне мрачноватый вид. А может, во всём был виноват страх перед встречей с матерью? Отец ругается, когда злится, может побить, а потом будет добр и заботлив, как и прежде. А мама будет долго въедаться в душу своими острыми словами, затем долгое время будет меня высмеивать, пристыживать, обижать. Уж лучше б побила и забыла.

В деревне происходило непривычное для этого времени оживление: крестьяне, их жёны, дети стекались куда-то за околицу. Каждый глава семьи нёс в руках чашку, доверху наполненную рисом. Мой брат стоял около дома и с завистью провожал взглядом уходящих.

– Что там, Такэру?

– Приехал какой-то человек из Эдо, – брат поморщился. – Сказал, что практикуется в рассказывании страшных исто-

рий. Что расскажет их, как в Эдо, всего за одну чашку риса с семьи. Они там соберутся на пригорке, за деревней. Он зажжёт сто свечей, своих собственных. И, досказав каждую историю, будет тушить по одной свече. Потом они будут сидеть до утра в крошечной темноте. Тому, кто досидит, отдаст весь рис, что у него есть – рассказчик уже два мешка в других местах насобирает – и тот, что получит с нашей деревни. И всем захотелось поучаствовать в этом, так как три мешка риса вместо одной чашки – это замечательно, ну и есть возможность насладиться тем же самым развлечением, как и в Эдо. Может, сам сёгун так же кайданы слушает!

– А если смельчаков будет несколько?

– Разделит весь рис на них, – Такэру шумно вздохнул. – Но этот человек сказал, что очень редко кто-то остаётся до конца. Вот только мы туда не пойдём: отец не хочет тратить рис, – мрачный взгляд на меня. – У нас слишком мало сильных мужчин, так что каждая мерка риса дорога. А всё из-за тебя, Юки! Ты почти ничего не делаешь, но жрёшь исправно!

– Мальчишки, хватит ругаться! – отозвался отец изнутри дома. – Идите-ка лучше спать!

– Нет, я этого мерзавца в дом не пущу! – возмутилась мама. – Богохульствовал, мне не помог, бросил выстиранное бельё в грязь. Ещё и со вчерашнего дня где-то шляется. Вот пусть он там и спит, голодный! И чтоб без моего разрешения в дом заходить не смел!

Уныло втянул голову в плечи, тяжело вздохнул и медлен-

но опустился на холодную землю. Такэру довольно осклабился: ему нравилось надо мной издеваться и наблюдать, как это делают другие. Брат никак не мог простить, что сам делает основную часть моей работы, а почётное место старшего сына и будущего наследника остаётся за мной. И даже при том, что наследовать-то в общем-то было нечего.

Такэру ушёл в дом, я свернулся у стенки калачиком, подложил руку под голову. Потом поднял взгляд к небу. И впервые увидел звёзды. Много звёзд... они рассыпались по чёрному бездонному небу, как искры от очага сыплются в темноте комнаты. Всё-таки, это очень счастливый день. Даже если чудо исчезнет до утра – и мне не удастся посмотреть на рассвет.

Мой добрый отец, чтобы меня утешить, принялся сам рассказывать историю. Поскольку стены в доме были тонкими, да и он или Аса-тян нарочно слегка раздвинули сёдзи – мне был хорошо слышен голос рассказчика, резкий, громкий и такой родной. Значит, праздник продолжается.

– ... Бились эти воины долго-долго, но были они молоды и сильны, так что ни один не мог одержать верх, – голос отца стал каким-то мечтательным. – Так и дрались самураи, пока оба не попадали без сознания от усталости и ран. Их нашёл кто-то из жителей ближайшей деревни, промышлявшей рыболовством. Отнесли воинов в дома, где семьи были поменьше, раны перевязали. Так они и пробыли там, пока не пришли в себя, не окрепли. А как окрепли, да вышли на

улицу, так прошлись по деревне и нос к носу столкнулись друг с другом. Не понравилось им такое соседство. И решили Сусуму да Мамору продолжить свой бой, когда полностью окрепнут. И настал тот день. Они поблагодарили крестьян за заботу, оставили им деньги, что имели. Да немного было у них денег: ронины не богаты. И отошли они далеко-далеко от деревни, вынули свои мечи и опять сражались, долго-долго. Метались быстрее ветра, опускали мечи так сильно, как тигр опускает когтистые лапы...

Почему-то папа обожал рассказывать о самураях. Он знал о них бесчисленное множество историй. Кажется, и об их обычаях ему было известно всё. Наверное, из него вышел бы отличный воин, да только ему не повезло родиться в семье обедневших торговцев. А потом его родители не одобрили выбранную им невесту – маму – и молодым влюблённым пришлось сбежать далеко-далеко. Потому-то у нас и родственников в этой местности не было, только наша маленькая семья.

– ...Услышав крики и плач, почуяв запах дыма, остановились воины, прислушались, приняхались. «Это в стороне деревни Чиисайрёо! – взволнованно произнёс Сусуму. – Негоже бросать этих добрых людей в беде, так что давай продолжим наш поединок позже». И считал Мамору точно так же. Вложили ронины мечи в ножны – и понеслись быстрее ветра на помощь. Да только не успели воины никого спасти: к их появлению всех жителей деревни зарезали воины заез-

жего господина. Да все дома уже подожгли. Отчаяние застлало глаза воинов, глубокое чувство вины захлестнуло их: пока они выясняли, кто сильней и ловчей, их спасители умерли, – голос отца задрожал.

И тихо шмыгнула носом добросердечная Асахикари. Да и мне стало грустно, как представил, каково пришлось смелым воинам смотреть на трупы приютивших их крестьян.

– С яростными криками бросились Мамору и Сусуму на убийц! – голос отца стал жёстче, словно он подобрался, напрягся, как натянутая луковая тетива. – Врезались в их строй, неся смерть и боль! Но было их только двое, а со вздорным господином пришли в это несчастное место сотни две воинов-слуг!

– И ронины погибли? – грустно спросила Аса-тян.

– Или они всех победили? – с надеждой произнёс Такэру, которого, видать, сильно захватила эта история.

Отец молчал слишком долго, уже мама ворчливо потребовала объяснения.

– Они врезались в их ряды, неся смерть и боль! – тихо повторил хозяин дома, каким-то странным, как будто треснувшим голосом. – И три десятка жестоких воинов, погубивших крестьян из-за какой-то нелепости, пали с раскроенными телами. Да только опомнились самураи, ринулись на Сусуму и Мамору... – и голос отца вдруг задрожал. – И было нападавших больше, намного больше и не просто для виду держал их жестокий господин.

– И они погибли? – отчаянно уточнила моя младшая сестрёнка, всхлипнула.

– Не перебивай! – возмутилась вторая сестра.

– Они бы погибли... – сказал рассказчик устало и грустно, так, словно сам был одним из них, и невидимое чудо спасло его самого. – Да только злость крепко завладела сердцем Сусуму: сначала стали красными его глаза, потом на голове у него появились рога, а кожа его побелела как снег – и он превратился в они...

– Так ведь демоны выглядят иначе! – не удержался Такэру. – Они большие, красные или синие и рог у них один. И...

На сей раз ойкнул сам брат. И шипели на него уже три женских голоса.

– И врезался преобразившийся Сусуму в воинов злого господина. Только раз одному из противников удалось дотянуться до него мечом – и распалась причёска самурая-демона, чёрной тучей высыпались из неё его волосы, полезли демону в глаза, да только звериное чутье вело его, направляло его рукой с выросшими когтями. И поплатился за тот удар воин сразу же, головой. А из глаз Сусуму сыпались искры, пламя объяло его катану. Не успел опомниться Мамору, как все убийцы крестьян уже валялись мёртвыми. Одного только трупа не нашли: сбежал тот трусливый господин. Поклонился демон горячей деревне и ушёл. Сказал, что рано или поздно доберётся до того господина – и смерть найденного будет ужасной. Всё-таки, в нём осталось что-то от человека

и самурая... – голос отца погрузнел. – А Мамору и поныне помнит о нём и жалеет, что с ним толком не сразился, – голос рассказчика потеплел. – Сусуму был славным воином: он свою душу, своё сердце, жизнь свою променял на демонические силу и обличье, только чтобы отомстить за смерть тех добрых и беззащитных людей! Да... Мамору очень хотел бы ещё раз встретиться с ним.

Надолго воцарилась восхищённая тишина. Нарушил её Такэру:

– Папа, это самая лучшая из всех твоих историй! Ты её так рассказывал, как никогда прежде не рассказывал!

– Просто она меня больше остальных тронула и потрясла, – тихо произнёс отец.

Родители, сёстры и младший брат ещё долго шептались, обсуждая сегодняшнюю историю. Даже мать обижалась, что никогда прежде не слышала её от мужа. А я лежал на спине, разглядывал звёзды и мечтал встретиться с Сусуму и сказать, что восхищён им.

И вот уже в доме все смолкли, начали засыпать, как из-за деревни слышались испуганные вопли. В тусклом свете луны замельтешили тёмные силуэты разбегающихся по домам крестьян. Они спотыкались, натыкались на что-то, ругались, орали и ползли, ползли к своим жилищам, словно хрупкие стены тех могли укрыть их от любой напасти. Видимо, заезжий рассказчик и в самом деле был очень хорош.

Не утерпев, я поднялся, прокрался через деревню, побли-

же к месту, где собрались люди. Там уже все свечи погасли. И что-то большое, белое осторожно волокло по земле большой мешок с собранным рисом. Чудище пришло послушать кайдан? И сцапало брошенный рис? Но разве чудища рисом питаются?

Отступил назад, зашуршав попавшейся под ноги травой. Большое мохнатое, белое существо ростом с дом остановилось, обернулось ко мне. И взглянули на меня два огромных красных глаза, светящихся в темноте. Они, кстати, осветили и широкую вытянутую морду, длинные острые клыки, обнажённые в усмешке. Я ойкнул, у меня подкосились ноги. Чудище размахнулось завязанным мешком и запустило его в меня. С трудом успел перекатиться в сторону. Когда вскочил, оно уже оказалось около меня, закрыло мне рот пушистой лапой с длинными когтями. И потащило в лес, зажав в подмышке другой лапы. А в зубах тащило мешок с рисом, на закуску.

Долго несло меня неведомое существо. Я уже успел помолиться всем богам, которых знал, да и с семьёй мысленно попрощался. Обнаружил, что в этот миг я даже Такэру люблю. И вырваться пробовал, да уж очень ослаб за голодный день. И с рождения особой силой не отличался. Может, то кара от богов, которых вчера страшно оскорбил, вслух усомнившись в их существовании?

Наконец чудище остановилось, осторожно опустило меня на землю. Поставило рядом мешок. И обернулось барсуком.

– Ты, я так думаю, голоден, дружище? – насмешливо поинтересовался Акутоо. – Я предлагаю тебе поужинать вместе со мной.

Оправившись от потрясения, осторожно спросил:

– А ты надул ещё несколько десятков человек?

– Так ведь они сами согласились мои кайданы послушать, – фыркнул обманщик. – Сами рис принесли.

– А ты под конец обернулся чудищем – и они разбежались. Ты это с самого начала задумал!

– Чудищем быть не обязательно, достаточно просто иметь мозги! – заявил зверь самодовольно.

Ворчу:

– Раз ты такой умный, обернулся бы во что-то большое и сильное, когда в яму попал!

Он смутился:

– Я бы с радостью, да только под ямой талисман закопа-

ли, а над ковриками, которыми её изнутри обложили, читал молитву добродетельный буддийский монах. Так что, попав в ловушку, свой дар потерял.

Фыркаю:

– Наверное, ты когда-то облапошил и охотников, и этого почтенного монаха.

– Может, то кара богов, – смиренно произнёс обманщик. – Ты подожди меня здесь, я за посудой сбегаю в нору. В гости приглашать не буду. Я как-то в пору самого расцвета юности пригласил к себе старшего братца в гости, ушёл вместе с ним на охоту, так этот подлец вернулся тайком и все мои припасы на зиму сожрал!

– Ладно, тут тебя подожду.

Лес, тем более в такое время, не самое приятное место, но уж очень мне хотелось кушать. Конечно, было немного неловко есть рис, вытянутый у крестьян обманом, но Акутоо успокоил меня тем, что он эту еду заработал. Истории Злодей очень старательно рассказывал.

Барсук сбегал за мисками, палочками для еды, горшком с водой. Мешок с рисом он с собой носил, хотя ему с ушибленной лапой это было очень неудобно: зверь боялся, что я его добычу заберу и сбегу. Ну да тут не только жадность его сказала, а грустный опыт.

Акутоо ещё и камень притащил. Плюнул на камень, чиркнул им по земле. Положил в выкопанную ямку – и над камнем вспыхнуло пламя. Сверху барсук деловито поставил гор-

шок с рисом и водой. И уселся, подперев длинную мордочку здоровой лапой, ожидая, когда рис приготовится. Я поинтересовался:

– А кого ты обманул, чтобы доставить этот необыкновенный камень?

– Да никого, как ни странно, не надул! – рассеянно отозвался Акутоо, разглядывая плавающие сверху рисовые зёрна. – Мы с одним милым демоном играли в го. Уговор был, что победитель платит какой-нибудь вещью. А я в го превосходно играю. Я как-то в монастыре жил. Притворялся странствующим монахом. И меня настоятель играть научил. С ним иные монахи играть не хотели, смущались. Мол, не достойное это дело для монахов – играть в шашки. А демон давно уже не играл, видно навыки подрастерял. Может, и не умел вовсе. А ему хотелось хоть с кем-то пообщаться и поиграть. Да, наверное, он и вовсе не умел, но по болтовне соскучился...

– А разве демонам так необходимо разговаривать?

– Этот они какой-то странный. Ему и говорить необходимо. Да с другими демонами у него общих тем не было.

Мы сонно посмотрели на горшок с рисом. Засыпать я боялся. Вдруг усну, а он пожадничает, слопает всё. И утром как проснусь ни мешка с рисом, ни риса, ни барсука уже не будет. Да и звёзды были уж очень хороши, а я их больше уже не увижу.

Акутоо наскучило молча сидеть: и он принялся хвастаться своими «подвигами». Если не обращать внимания на то, что во всех историях самым смелым, умным и сильным оказывался именно он, слушать его было забавно. Барсуки – те ещё хулиганы. Наверное, в проказах и пакостях они уступят только лисам. Но о лисах Акутоо даже не упоминал, наверное, кицунэ его часто обманывали, а признаваться в поражениях плут не хотел.

И рис никогда мне таким вкусным не казался, как приготовленный на волшебном огне. Поначалу я косился на еду с опаской, всё-таки огненный камень принадлежал когда-то настоящему оми, но голод – лучший повар. К тому же, редко когда мне удавалось наесться до отвала. Оборотень-обжора затеял готовить ещё один горшок, но я до новой порции не дотерпел: уснул, сжимая пустую тарелку и прислонившись к тёплому чистому мохнатому боку барсука. Всё-таки Акутоо вернулся ко мне, угостил. Значит, не такой он и Злодей, каким прикидывается. И, похоже, у меня наконец-то появился друг...

3-ий Синий

Кто-то легко коснулся моего плеча. Протерев глаза, сел, посмотрел на разбудившее меня существо. Это оказалась узкоглазая женщина странной наружности: несколько рук, на лбу круглая шишка, мочки ушей свисают почти до самых плеч, длинные волосы собраны в высокий пучок на затылке, тело закутано в длинную белую ткань, со складками спадающую до земли. Две обнажённых руки её поддерживали длинные, узкие свитки, одна задумчиво приглаживала толстую длинную прядку чёрных волос, выбившихся из причёски, четвёртая её рука изящно поддерживала лютню, пятая рука – осторожно и грациозно перебирала струны, шестая – зависла над моим плечом, видимо, чтобы растормошить меня, если вздумаю заснуть, а седьмая и восьмая руки грели ладони под солнечными лучами. Кожа незнакомки была непривычно смуглой, а глаза – необыкновенно мудрыми и добрыми, такими ласковыми, что я засмотрелся в них и забыл обо всём на свете.

– Здравствуй, Юуки, – тепло приветствовала меня женщина.

– Здравствуйте... – тут меня наконец-то настигло понимание. – Здравствуйте, богиня Каннон!

– Говорила я нынче ночью с Сироиси-куном: он мне о тебе много-много разного рассказал, – она задумчиво улыб-

нулась, сыграла на поющих струнах ещё несколько чудных звуков. – Никогда ничего не просил с тех пор, как его душа рассталась с телом, молчал, а нынче пришёл ко мне, плачущий, да сказал: «Помоги, о милосердная богиня Каннон! Я не за себя прошу, за правнучка моего. Уж сколько у меня правнуков ни есть, а такой появился впервые: не чванливый, добрый. А я, говорит, увы, божество простое, не всесильное. Всего-то и мог, что подарить ему один день, дабы он мог на мир посмотреть, какой давно уже разглядеть мечтал. И, увы мне, старому, – и такая мука отразилась в его глазах, – я ему больше подарить не могу. А он и не требовал больше: правнучек мой обрадовался и этой крохе. Да не только порадовался, он ещё и несколько часов этого дня провозился с попавшим в западню обманщиком, так, что полностью мой дар и использовать-то не сумел. И понимал, что более дня чудо то не продлится, а потратил драгоценное время на спасение никчёмной животины. О, если бы мог я ещё что-то подарить правнучку моему милому! О, если бы я только мог!».

Так значит, Сироиси-сан до того меня любит, что дерзнул обратиться к могущественной богине, клянча для меня новое чудо!

Я упал на колени, взмолился:

– О, благая богиня! Не сердись на моего духа-предка, не наказывай его! Мне хватило и одного дня. Он и один был прекрасен, да и хорошего должно быть мало: если бы Сироиси-сан подарил мне хорошее зрение на всю жизнь, я бы ра-

но или поздно охладел к его подарку, перестал радоваться, смотря на мир! Боюсь, мог из жадности потребовать что-нибудь ещё, если не все блага сразу! А так я целый день смотрел на окружающее меня пространство и ликовал. Это был самый сладкий, самый лучший день из всех, которые мне выпадали!

Каннон долго молчала, тихо перебирая струны, и лютня её играла мелодию грустную и трогательную душу. Наконец богиня заговорила:

– Многие из того, что могло бы принадлежать тебе, досталось другим. Только нет у тех той драгоценности, которая есть у тебя. Потому, не имея ничего, ты можешь обрести всё. Не сердись на жизнь, что родился таким, Юуки.

– Не буду. Только вы, пожалуйста, не гневайтесь на Сироиси-сан! Он не хотел вас сердить, просто хотел подарить мне побольше.

Женщина рассмеялась. Смех её звоном сотен металлических колокольчиков рассыпался по равнине и зеркальному озеру около неё.

– Прав был Сироиси-кун. А, впрочем, тебе не обязательно это знать.

В её свободной руке появился лотос: белоснежный, чистый, благоухающий. Смотря на него, трудно было поверить, что этот цветок вылез из мрака, из грязного ила и родился таким прекрасным и сильным, что достиг света и кажется теперь небесным цветком. А потом лотос засверкал столь

ослепительно, что я невольно зажмурился, не в силах выносить это сияние.

– Нет, вы только посмотрите на этого сопляка! – задрезжал у меня над головой смутно знакомый голос. – Дрыхнет, как ни в чём ни бывало! Если я ещё с час прожду, пока он наконец глаза продерёт, сдохну с голода!

Широко распахнув глаза, увидел склонившегося надо мной барсука.

– Ну, ты проснулся, значит, на тебя никто исподтишка теперь не нападёт, – зверь вмиг повеселел. – Значит, я теперь могу спокойно найти уютное местечко и поесть.

Почему-то первым у меня проснулся желудок, а не голова. Дождавшись, пока недвусмысленный звук, шедший из глубины моего тела, ненадолго стихнет, попросил:

– Дай мне ещё немного риса, пожалуйста! Дома мне сразу и поесть не дадут: наверняка мама всё ещё на меня злится.

– Вот ещё чего! – рассердился оборотень. – Если я буду со всякими делиться, то до зимы не дотяну!

Теперь разозлился и я.

– А кто тебя вытащил из ловушки с магическим талисманом? Благодаря кому ты смог ночью наесться риса?

– Я их надул, слышишь ты? Я! – барсук поднялся на задние лапы, угрожающе навис надо мной. – Иначе бы и рису

никакого у меня не было! А ты должен быть мне благодарен, что я тебе такую прорву еды столь милосердно отвалил!

Вскакиваю на ноги, ору:

– Тебя следовало бы назвать Жадиной, а не Злодеем!

– Это не жадность: это рассудительность и бережливость! – прошипел зверь.

– Да у тебя ж ещё целый мешок!

Акутоо поспешно спрятал упомянутый мной предмет за спину. Впрочем, мне короткого взгляда хватило, чтобы понять: мешок по-прежнему был пухлым от наполнявшего его рисового зерна.

Угрюмо отвернулся от скряги. И замер растерянно, не понимая, что же случилось с миром: окружающее меня пространство заметно изменилось. Запоздало понял: круг, в котором я ещё мог худо-бедно видеть, расширился. Ещё на десять-двадцать шагов: с непривычки так сразу и не высчитать. Тогда подошёл к барсуку вплотную – тот поспешно поднял мешок над головой, чтобы мне было не дотянуться – и развернулся к зверю спиной, отступил от него на пять широких шагов. Сзади послышался вопль. Резко развернулся: скряга не удержал рис – и мешок плюхнулся ему на голову, распластав по земле. Теперь из-под мешка торчали только лапы и голова Акутоо. Подбежал к пострадавшему другу, схватился было за мешок, дабы стащить в сторону, помогая барсуку освободиться.

– Убери руку, а то загрызу! – прохрипел полузадавленный

оборотень, которому дороже собственной жизни и здоровья оказался большой мешок с едой.

Отступил от него на десять шагов и насмешливо крикнул ему:

– Был бы умным – и обратился бы во что-то большое.

Акутоо помедлил мгновение, потом превратился в большого чёрного медведя, столкнул с себя мешок, поднялся на задние лапы, прижал к себе свою драгоценность:

– Мой рис никому не отдам!

Полюбовался на яростно сверкавшие глаза друга, на белоснежные клыки, открывшиеся в оскале. Отступил ещё на пять шагов. Ничего не изменилось. Отступил ещё настолько же: медведь помутнел. Приблизился на четыре шага. Отступил на три. Приблизился на два. И радостно подсчитал в уме: мне теперь чётко видно окружающее пространство примерно на семнадцать шагов! Значит, милосердная Каннон, тронутая горячей мольбой Сироиси-сана, тоже сделала мне подарок. Только не понятно, насколько часов или дней. А впрочем, не важно!

Я радостно подпрыгнул и заорал во всю глотку.

– Свихнулся от голода, – задумчиво произнёс Акутоо, но спасти меня при помощи еды не торопился.

Может быть, он не такой плохой, каким кажется. Кто знает? Возможно, единственное, с чем барсук не в силах расстаться – это еда. Он лишь немного накормил своего спасителя, но это же может говорить не только о его жадности, а

о том, что иногда, в особых случаях, Акутоо способен расстаться с чем-то дорогим ради кого-то. Только не каждому выпадет честь отведать угощение этого оборотня, так что мне полагается гордиться. И вообще, пора бы мне вернуться, а то, родители, брат и сёстры уже волнуются.

Отец очень холодно взглянул на меня, когда я пришёл к родному дому. Мать и вовсе побила. Про насмешки Такэру, которые тот бросал мне исподтишка, пока я покорно стоял у двери, не смея войти внутрь, молчу. Жаль, что моей милой Асахикари досталось из-за меня: младшая из сестёр пыталась накормить меня едой, припрятанной утром.

Мама только к вечеру смилостивилась, наложила мне немного овощей в миску и выставила еду на улицу. Ещё пару ночей я спал вне дома, не смея нарушить запрет моей родительницы. А потом всё наладилось. Не сказать, чтобы дети, прежде донимавшие меня, перестали издеваться надо мной. Нет, они вели себя как раньше, только теперь, с даром доброй богини, я мог разглядеть мучителей прежде, чем они приблизятся ко мне, так что временами успевал спрятаться или сбежать. Да и возможность увидеть большую часть мира, чем ту, которую мог разглядеть прежде, наполнила мою жизнь новыми красками.

О подарке Каннон я умолчал. Во-первых, теперь у меня было преимущество перед неосведомлёнными об этом ребятами, во-вторых, если бы я рассказал, то рано или поздно мой счастливый рассказ перешёл бы в хвастовство. Быть мо-

жет, тогда бы потерял этот дар, а этого мне не хотелось.

Спустя несколько дней после ссоры с Акутоо – тот до сих пор так и не вернулся – я рано утром брёл по деревне. И увидел избитого барсука, привязанного к старой сливе. Сердце моё испуганно сжалось. Уж как ни злился на жадного оборотня, а гибели ему не желал. Потому бросился к измученному побоями зверю, стал развязывать державшую его верёвку. Прежде, чем распутал последний узел, понял, что барсук не тот: уж слишком большой, старый, но не остановился. Не хорошо дарить надежду, а потом отбирать. Это как поклясться своей честью, а потом унижить себя, запятнать невыполнением обещания.

Полностью развязать пленника не успел: вернулся крестьянин, поймавший его. Барсук сумел сбежать, волоча за собой верёвку, которую я не успел отвязать от его левой задней лапы. Охотник до того разозлился, что бросился на меня, а не вслед за добычей. Если бы на мои крики и брань мужчины не прибежала Аса-тян, если бы сестрёнка не рванулась ко мне, не накрыла своим телом, приняв на себя сильный удар, кто знает, может, меня бы в тот день забили до смерти.

– Беги, Юуки! – отчаянно закричала сестра, что есть силы вцепившись в ногу взрослого и сильного мужчины. – Беги, меня он не тронет!

С трудом оторвал малышку от разъярившегося крестьянина:

– Дурочка, он же тебя до смерти забьёт!

– Нет, он меня не тронет! – Асахикари заплакала. – А тебя убьёт! – вывернулась из моих слабых рук, заслонила меня своим маленьким худеньким тельцем. – Брата убивать не дам! Убейте лучше меня!

Я заплакал, потрясённый её смелостью и любовью ко мне, никчёмному болезненному мальчишке, который ничего кроме бед ей до сих пор не принёс. Даже чудо себе присвоил, а о ней ни Сироиси, ни Каннон не заикнулся. И пусть меня убьют, мерзавца эдакого!

Умоляюще посмотрел на охотника, попросил:

– Если вы мужчина – накажите виноватого. И не смейте прикасаться к моей сестре! А то я вас зарежу!

– Да ты от десятка моих ударов загнёшься! – усмехнулся мужчина.

Закричал:

– Если вы посмеете тронуть мою сестру, то после смерти я стану призраком и буду следовать за вами, пока не сведу вас с ума!

Охотник растерянно посмотрел на меня, потом расхохотался. И ушёл. Мы с Аса-тян ещё долго стояли, прижавшись друг к другу и дрожа.

Потом сестрёнка убежала домой, к матери, а я заковылял в лес, смотреть, добрался ли до него спасённый мной зверь. У толстой криптомерии обнаружил брошенную верёвку, с пятнами подсохшей крови, но самого барсука не нашёл. Тол-

стый бамбук лениво шелестел листьями над моей головой, сопротивляясь солнечному свету. Я долго стоял, вслушиваясь в звуки бамбуковой рощи, но беглец не выдал себя: не то спрятался, не то не перенёс испытаний.

Долго бродил, но так и не нашёл ни живого барсука, ни мёртвого. А потом неожиданно столкнулся с самураем, бесшумно вынырнувшим мне навстречу из полумрака.

4-ый Синий

– Кто ты, мальчик? – спокойно спросил воин, разглядывая меня сверху вниз.

Высокий, сильный, одетый в тусклое темно-синее кимоно из конопляной ткани, с двумя мечами, один из которых оттопыривал край верхней одежды, в хакама до голеней, седовласый, морщинистый, он при этом выглядел крепким, негибачаемым и могущественным. А его неожиданное появление заставило меня вздрогнуть. Опустив глаза, вежливо и чётко ответил ему:

– Я сын своего отца.

– Человек, значит, – мрачно произнёс ронин. – А вид у тебя как у недавнего покойника, обратившегося в призрака.

Неужели, настолько избит и так сильно побледнел?!

Он молчал, и я ничего не говорил. Потом осмелился ненадолго поднять взгляд, но не на его лицо, а на выбритый затылок и бело-серый пук волос.

– Кто это тебя так отделал? – спокойно спросил мужчина.

Робко признался:

– Сосед, – глянул на его лицо, на сошедшиеся белые брови, и торопливо добавил: – Только я это заслужил.

– Чем же?

Потупился, тихо ответил:

– Я отпустил его добычу.

– Людям, значит, пакостить нравится? – строго уточнил самурай.

Мой голос задрожал:

– Просто пожалел зверя. Может, его в ловушку поймали, а потом избили до полусмерти.

– И чего ж тут неправильного? – недоумённо уточнил воин. – Люди с давних времён охотятся на зверей, да и некоторые из них – на нас.

– По-моему, не подобает сильным обижать более слабых.

– А рыбу, ты, значит, не ешь? – язвительно осведомился незнакомец.

– Ем, – почувствовал, что краснею. – Когда удаётся. Это несправедливо с моей стороны, но...

Мужчина громко расхохотался.

– А ты где живёшь, юнец? – поинтересовался он уже дружелюбно.

– В деревне Каваносин.

– Далеко она находится?

Я так долго обдумывал, куда же забрёл и как теперь добираться до дома, что воин не выдержал и насмешливо уточнил:

– Малец, а ты сам, случаем, не заблудился ли?

С огромным усилием вспомнил, где же нахожусь. И твёрдо указал рукой на северо-запад. Глаз не поднимал.

– Тогда проводи-ка меня туда, – твёрдо сказал незнакомец.

И я молча направился к деревне. Он шёл слева от меня. Спустя некоторое время самурай, наблюдающий за мной, моей хромотой и понурой спиной, предложил меня пронести.

– А то ещё загнёшься, не доведя меня до места, – проворчал он.

Отчего-то само собой моя спина выпрямилась, а плечи расправились. Обернулся к нему и тихо сказал:

– Господин, в моём жалком состоянии виноват я сам. С моей стороны будет верхом бесстыдства просить вас тащить меня.

Мужчина удивлённо остановился и заметил:

– А я думал, что ты согласишься. Ты ж едва идёшь. Того и гляди – упадёшь бездыханный.

Опустив голову, робко возразил:

– Если упаду, значит, поделом мне. За мои ошибки полагается отвечать мне самому.

– А если цена твоих ошибок – смерть? – он нахмурился.

Ох, я ж перечу воину!

Ронин долго молчал. Я дерзнул ненадолго взглянуть на него: седовласый мужчина пристально смотрел на меня.

– Готов ответить своей смертью?

Задрожав, кивнул.

– Врёшь, – голос его стал ледяным. – Такой сопляк как ты может быть смелым только тогда, когда его жизни ничего не угрожает. И зверя ты выпустил не только из жалости.

Просто у тебя добрый и любящий отец, и ты ждал, что он вступится за тебя. Или же оплатит за твои мучения потом, когда узнает.

Вулкан отчаяния, боли и горечи, зреющий в моей душе едва ли не с самого рождения под гнётом принижения, презрения, насмешек и материнской досады, вдруг прорвался лавой злых, жгучих и громких слов:

– По-вашему, я не смогу решительно принять смерть, если заслужу её? Только то, что я – болезненный, слабый, измученный мальчишка – это уже означает, что от меня не может быть пользы, и на смелость хоть раз в жизни я не способен?!

– А ещё ты несдержан и невежлив, – недовольно припечатал воин. – Жалкий крестьянский мальчишка, ты посмел поднять на меня голос! – и он выхватил длинный меч.

Сегодняшние несчастья подтолкнули меня к опасной и дерзкой выходке. Нет, это просто плотину моей сдержанности прорвало.

Меч взлетел над моей головой...

А папа расстроится из-за моей смерти. И Аса-тян. Может, даже мама?

– Ну, так и будешь молчать? – сурово сказал воин.

Едва слышно пробормотал:

– А мои слова что-то изменят?

– Если ты покажешь мне, как должен вести себя презренный крестьянин, быть может, я пощажу тебя, – спокой-

но объяснил ронин. – Боги могут отвернуться от меня из-за убийства такого немощного сопляка, поэтому, хоть ты и оскорбил меня, я даю тебе шанс заслужить прощение.

Мне вспомнились папины рассказы о самураях, о том, как они хладнокровно встречали смерть. Тогда, сидя в безопасности и слушая о них, я восхищался их мужеством и безмерно им завидовал. О, они были прекрасны, эти твёрдые бесстрашные верные воины! Ну, сам я их никогда не встречал, тем более, подвигов их не видал, но отец описывал их необыкновенно красиво. Потому я часто мечтал, как вдруг стану воином, смелым, мужественным, непоколебимым в противостояниях с врагами и снисходительным к слабым. Вот так и прошли одиннадцать лет: в напрасных мечтаниях. Никчёмная жизнь жалкого мальчишки. И сейчас, когда я в каком-то оцепенении разглядываю длинное, острое, блестящее лезвие над моей головой, мне своей жизни не жаль. В моей душе только грусть от того, что от меня родным не было никакой пользы. А ещё мне обидно перед самим собой: так и не позволил себе приподняться хоть чуток хотя бы в собственных глазах.

– Щенок, если ты сейчас же не начнёшь просить прощения и пощады, я тебя пополам перережу! – воин говорил, перерубая фразу на куски своим чётким, холодным голосом.

И тут меня осенило, как можно всё исправить. Хотя бы для себя.

Задрожав, поднял голову и решительно встретился взгля-

дом с самураем:

– Если я вас оскорбил, пусть моя кровь смоем ваш гнев.

– Хочешь сдохнуть?

Он замахнулся – и я задрожал ещё сильнее. Взглянуть на медленно приближающуюся смерть не осмелился, но с места не сошёл. Не совсем самурайская смерть, но хотя бы на каплю достойная выдержка. Хотя бы на каплю.

Лезвие проскользнуло мимо моего левого уха и впилося в плечо, потянулось к кости, чтобы отделить мою руку от тела. Я и без того немощен, а стану калекой – так родным придётся ещё больше возиться со мной? Или мне удастся умереть от потери крови? Тогда наконец-то избавлю их от тяжёлой обузы.

Боль, пронзившая меня, выбила все мысли и чувства.

Лезвие с противным чмоканьем выскользнуло из моей плоти. Я рухнул на колени, зажимая рану на плече. Дрожащие пальцы правой руки ощутили, что левая на месте, а так же – тепло вытекающей крови.

– Я люблю смелых, – спокойно объяснил ронин, доставая тускло-коричневый платок. – Смелые способны встретить смерть достойно. Для крестьянского заморыша ты держался очень хорошо.

Он спокойно, словно стряхивал грязь с сандалий, смахнул мою кровь с лезвия, тщательно протёр свой меч и плавным движением вернул его в ножны. На моё лицо, искажённое от боли, воин посмотрел равнодушно. Какое-то время разгля-

дывал меня сверху вниз, потом твёрдо прибавил:

– А глупость наказуема. В следующий раз, когда ты начнёшь дерзить самураю – упадёт твоя голова. А может, и твоего спутника. Если тебе себя не жаль, глупый мальчишка, подумай хотя бы о своих близких и друзьях.

Я не хотел плакать. Клянусь, не хотел! Но предательская вода полезла наружу: моё тело ненавидело боль.

– Дурень! – сурово сказал мужчина.

Он оторвал край своего кимоно, отцепил мою ладонь, вцепившуюся в левое плечо в безуспешной попытке остановить кровь, грубо перевязал рану. Перед тем, как связать концы повязки, намеренно сжал их, заставляя меня застонать.

– Запомни, сопляк: глупость приносит горькие плоды, – крепко обхватил меня за раненное плечо, грубо поднял на ноги. – Показывай дорогу.

И мне ничего не оставалось, как опустить голову и плечи и двинуться вперёд.

Не успел сделать и сотни шагов, как мимо нас прошмыгнул молодой барсук. Почти сразу же за ним последовал большой и старый. Недоумённо проследил за ними, до тех пор, пока их силуэты, мелькающие между бамбуком, не стали расплываться, потом сделал ещё один шаг к цели. И едва не споткнулся о третьего барсука. Тот мрачно обернулся на меня, сердито блеснув чёрными глазами, и скрылся в роще. До того, как мы добрались до деревни, мимо нас пробежало более десятка барсуков, больших и маленьких.

– Да что ж это такое?! – не выдержал мой спутник, споткнувшись об очередного бегуна.

Зверь, на которого упал человек, отчаянно засипел. Поднатужился, выбрался. И нагадил на штаны самурая. Основательно так запачкал их и, судя по быстрому прощальному взгляду, намеренно. Ронин метнул ему вслед короткий меч, но промахнулся. Барсук остановился, задумчиво посмотрел на меч, застрявший в толстом бамбуковом стебле, и скрылся.

Когда воин выдернул меч из бамбука и вернул оружие в ножны, мимо нас пронеслись два барсучонка.

Мужчина недоумённо потёр правый висок:

– Впервые вижу, чтоб они себя так вели.

Да уж, сколько ни встречал за свою жизнь этих зверей, но ни разу не было, чтоб они бегали так часто и все в одном направлении.

От внезапной догадки ненадолго перестал чувствовать боль и усталость.

В одном?! Да, кажется, что барсуки со всей округи стекаются куда-то! Впрочем, мне сейчас не за ними бегать нужно, а самурая до деревни проводить. Пусть староста займётся им поскорее, тогда интерес воина ко мне иссякнет. И я смогу съёжиться дома, в углу, и заснуть. Впрочем, нет, мать начнёт ругаться, увидев, в каком я виде. Может, ей уже доложили, что чужую добычу отпустил. Лучше доковылять до леса и там поспать. А что в лесу опасно, так это не страшно. Страшнее маминых нотаций, выедающих душу, в мире нет

ничего. Даже смерть теперь, спустя некоторое время после потрясения, кажется мне не такой страшной.

У окраины деревни мы нос к носу столкнулись с моим отцом. Тот мрачно взглянул на меня – ему уже рассказали и родитель из-за меня оторвался от работы, потом вежливо покосился на пришлого. И задрожал. Ронин растерянно сощурился, впился взглядом в лицо моего отца. И, как ни крепился, голос его задрожал:

– Мамору?

– Сабуроо... – отец замялся. – Сабуроо-сан?

– Вот ты и нашёлся, – мрачно заявил ронин.

Тон его менял смысл фразы на что-то вроде: «Вот ты и попался, Мамору!». А что если мой отец как-то оскорбил этого самурая в прошлом? И теперь он явился, чтобы отомстить нам?!

Испуганно отступил к отцу. Тот взглядом попросил меня уйти. Значит, дело плохо. Но неужели он думает, что я сбегу, оставив его умирать?! Его, моего доброго и заботливого родителя?!

Решительно встал между ними. Пусть лучше ронин разозлится на меня, сорвёт на мне злость. Может, тогда он пощадит моего отца. Странно, ведь он назвал его Мамору... и отец не возражал. Значит, его так зовут на самом деле или он когда-то соврал этому воину?

– Ты с ним знаком, Мамору? – теперь замялся и пришлый. – Мамору-кун, ты его знаешь? Или... – мужчина при-

стально взглянул на меня, сердито цокнул языком. – Ну, как я мог не признать? Ведь он похож на тебя в детстве!

– Мне казалось, я был покрупнее и повыше, – осторожно заметил мой родитель.

– Естественно: ты был здоровяк и крепыш, – задумчивая улыбка, взгляд поверх моего плеча, в прошлое, где они были хорошо знакомы.

Ведь не просто ж так пришлый самурай обратился к отцу, используя «кун»! И... как же его едва не назвал мой родитель? Отец назвал его имя, даже не фамилию, что уже свидетельствует об их близком знакомстве. А по возрасту ронин его старше, лет на пятнадцать-двадцать.

– Вот только этот малец... – Сабуроо увидел бегущего к нему старосту, нацепившего самую вежливую и почтительную улыбку из всех, на которую этот старик был способен. – Недавно он взглянул на меня точно так же, как и ты когда-то. И у меня сердце защемило от этого решительного, бесстрашного взгляда, от той же глупой отваги. Тогда заметил и некоторое внешнее сходство, только не решился поверить, что он – твой сын. Приветствую вас, почтеннейший, – обратился мужчина к старосте.

Тот, дабы не навлечь на себя беду, очень вежливо и льстиво приветствовал воина, пригласил в свой дом. А то ещё разозлишь такого, годами набравшего опыт в убийстве людей – и беды не миновать. Несколько лет назад в деревню пришёл оборванный, грязный и злой ронин. Всего-то что бы-

ло достойного в этом бродяге – два красивых меча. Второй сын старосты презрительно посмотрел на оборвыша – и уже через миг упал замертво, рассечённый от плеча до пояса.

Как бы между прочим староста осведомился, не знаком ли почтенный воин со здешним крестьянином Тадаси, то есть, с моим отцом. Тут, к моему глубокому изумлению, они оба изобразили людей, впервые встретившихся друг с другом. Отец стал обращаться к Сабуроо униженно и почтительно, прикинулся испуганным. А тот, в свою очередь, стал грубить и держаться развязно. Что-то такое связало этого ронина и моего отца, о чём те не желали никому рассказывать. Вероятно, и мне не скажут. В общем, староста увлёк гостя в свой дом, потчевать. А мой отец долго смотрел им вслед. Правая его рука вдруг задрожала, он крепко сжал её левой ладонью.

– Ты встретил его около деревни? – спросил родитель, справившись с собой.

Честно ответил:

– Я встретил его в лесу. Он попросил указать ему путь в мою деревню – и я привёл его сюда.

Отец вздрогнул, услышав, кто способствовал их встрече. Получается, он не желал больше никогда встречаться с Сабуроо, а я – привёл самурая к нему. Я, его сын, способствовал этому!

– Пойдём домой! – сказал мой родитель сурово.

Интересно, как же его зовут на самом деле: Тадаси, то есть Откровенный, или же Мамору, Защитник, как нескольких из

героев его рассказов? Или... то был один и тот же самурай? Бесстрашный отчаянный и сильный воин по имени Мамору? Или... мой отец рассказывал о самом себе?!

Что ж тогда получается: это именно он дрался с самураем по имени Сусуму, он своими же глазами видел, как тот обратился в демона, желая отомстить за крестьян, позаботившихся о нём? Раньше мне думалось, что та история с человеком, ставшим демоном – просто красивая история о странном влиянии благодарности – Сусуму же был в отчаянии, поскольку не смог отплатить тем крестьянам за их доброту! Но после встречи с моим удзигами, с оборотнем-барсуком и сна, в котором мне явилась сама богиня Каннон и подарила новую силу моим глазам, мне как-то уже слабо верится, что то была просто история. Ну, она могла быть такой, но... Если есть боги, то и демоны должны быть! То есть, существует возможность, что по неведомым мне дорогам всё ещё ходит тот самый Сусуму!

Впрочем, намного больше меня потрясло другое: похоже, мой отец так любил истории о самураях и хорошо разбирался в их обычаях, поскольку сам был воином! И стал плохим крестьянином именно потому, что изначально был именно самураем, а потом, когда отчего-то стал притворяться простым земледельцем, ничего делать на земле не умел. Я как-то слышал насмешки селян над тем, что мои мать и отец ничего толком не умеют делать. И пару замечаний, что они многому научились за те одиннадцать лет, которые провели в Ка-

ваносин.

Но почему же тогда мы теперь живём именно здесь, как простые крестьяне? Почему отец сказал мне, что мы – из купцов? Что нам нечем гордиться, раз уж мы приходим из такого низкого сословия?! Нет, он не мог быть самураем! Отец бы не посмел соврать о наших предках! И, уж тем более, не дерзнул бы заявить, что такими предками не следует гордиться! А труд крестьянский потому ему был тяжёл, особенно, в самом начале, поскольку отец мой и мать вышли из купцов, и с землёй обращаться не привыкли.

Матери дома не оказалось. Только Асахикари. Девочка старательно протирает пол. Хозяин дома, вздохнув, прислонился к столбу посреди дома, устало закрыл глаза. Сестра его не трогала. Да и я молчал. Правда, спустя некоторое время не удержался и тихо спросил:

– Отец, мне не следовало приводить его в нашу деревню?

Мужчина открыл глаза и посмотрел на меня. Казалось, что одна встреча с бывшим знакомым состарила его на несколько лет, полностью вымотала. Что же случилось там, в прошлом? О чём родители умолчали?

– Я не хотел этой встречи, – неожиданно признался отец. – Но то, что именно ты встретил его первым, то, что именно ты привёл его в нашу деревню, наводит на следующую мысль: должно быть, самим богам было угодно, чтобы мы встретились. И что бы я ни сделал, чтобы воспрепятствовать этому – всё это было напрасно.

Аса-тян принесла отцу чашу с тёплой водой, почтительно протянула её ему. Хозяин дома быстро опустошил чашу, ненадолго задумался. Видимо, он перебирал в памяти все детали встречи и разговора с Сабуроо, так как чуть погодя сказал:

– Сабуроо-сан упомянул что-то о решительном и бесстрашном взгляде и о глупой отваге. Как вы встретились? Где он мог это увидеть?

Асахикари тихо произнесла:

– Я схожу за водой. Для обеда не хватает воды, – и быстро ушла, не желая слушать наш разговор.

Моя милая маленькая сестрёнка была не только доброй и красивой, но и очень сообразительной: отец проводил её довольным взглядом, так как не хотел говорить при ней, а она догадалась об этом – и сама поспешила уйти, якобы по делу, не понимая, что мы будем обсуждать что-то серьёзное. У второй сестры и Такэру не было такого ума и такта. Да, она прекрасна, моя милая Аса-тян!

– Так как вы встретились? – сердито уточнил отец.

Честно рассказал ему обо всём. Даже про странное поведение барсуков упомянул. Хотя, наверное, оно не имело никакого отношения к делу. Молчание надолго зависло в доме. Потом послышался топот ног на улице. И едва слышный шёпот Асахикари:

– Мама, не ходи туда! Не надо! У них важный разговор!

– Нет, я пойду! – ответила хозяйка громко. – Этот негодяй

совсем от рук отбился: мало нам его болезней, бесполезности и дурной привычки шляться непонятно где целыми днями, так он ещё повадился пакостить нашим соседям!

Когда злая, глубоко дышащая мама вошла в дом, то отец встретил её таким взглядом, что она невольно отступила назад. И поспешила удалиться, увела за собой дочку. Всё это произошло молча и тихо. Хозяйка дома даже не посмела взглянуть на мрачного мужа.

Тишина в доме давила на меня нещадно. Не выдержав, едва слышно спросил:

– Я поступил очень дурно? Я должен был убежать, едва увидев его? Или униженно молить о пощаде?

Отец неожиданно улыбнулся мне:

– Ты всё сделал правильно, Юуки.

Такая драгоценная похвала после всего, что я сделал, потрясла меня. Как и то, что глава семьи неожиданно назвал меня моим прежним именем. Не Снегом, а Смелым! Хотя я вёл себя вызывающе дерзко с незнакомым мне воином! И ужасающе глупо – только сейчас это понял. И всё-таки отец меня похвалил!

– Сабуроо... – отец опять запнулся, желая назвать своего знакомого. – Сабуроо-сан любит смелых людей. Даже глупых смельчаков. И, похоже, ты ему понравился. Я не ждал, что ты можешь ему понравиться, но... да, наверное, так хотели боги. Мой... я только замедлил то, что должно было случиться.

И мужчина надолго замолчал. Поначалу он улыбался, по-

том резко помрачнел. Что же случилось в прошлом? От чего и как мой родитель пытался убежать? Как же он привык обращаться к Сабууроо? Явно же, что не вежливое обращение просится ему на язык, а что-то иное! Может... может, папа при встрече хотел сказать «Сабууроо-кун»? Только у него не хватило смелости обратиться так дружелюбно и тепло к тому самураю. У Сабууроо-сан хватило решимости или смелости обратиться по-простому, дружелюбно, а у Тадаси – нет. Или... он всё-таки Мамору? Возможно, отец отчего-то чувствует себя виноватым перед господином Сабууроо. Но что же случилось? Какие отношения были между ними? Может, мой отец был слугой в доме Сабууроо? Одним из доверенных слуг? Там-то и насмотрелся на жизнь самурайского семейства, наслушался их историй – и потом с восхищением рассказывал их нам. Возможно, так или иначе рассказывал о Сабууроо, скрывая его разными именами.

Мама вернулась нескоро, так как боялась навлечь на себя гнев главы семьи. Хотя отец был добрым и заботливым, иногда он становился нестигаемым и страшным.

Он до вечера ждал прихода Сабууроо. И хотя хозяин дома ни слова не сказал, я понял, что он ждёт своего знакомого или, может быть, даже друга, вот только сам пойти к нему не осмелится.

День прошёл тихо. Раз Такэру вздумал надо мной подшутить, мол, я теперь весь в крапинку, за что получил от отца сильный удар по голове – и заткнулся. Заходил охотник, по-

быть... Акутоо?! Защитник дома, обнаружив, с кем дрался, растерялся, потом возмутился. Словом, не успел я вмешаться, как моему несчастному приятелю скрутили лапы верёвкой и грубо бросили в угол.

– Завтра с ним разберусь! – мрачно сообщил отец. – Дорогая, погаси свет! Мне жутко хочется спать.

Свет погас. Хозяин дома проворчал:

– И как барсук смог забраться в дом, пропитанный человеческим запахом? – перевернулся и вскоре его дыхание выровнялось.

Требовалось спасти оборотня, но вот как это сделать в темноте? Хм, пока ещё комнату тускло освещал светильник, было видно, что между мной и Акутоо лежат Такэру, мама и папа. Значит, нужно пробраться мимо них и развязать верёвку, которой накрепко стянули лапы моего друга. Как я буду распутывать верёвку в темноте? Впрочем, сначала нужно до него добраться. Эх, занесло его к нам ночью! И на что ему сюда? Не мог, что ли, дожждаться до утра? Или дело настолько срочное? Интересно, а оно связано со странными перемещениями окрестных барсуков?

– А-а-а!!! – заорал брат, об ногу которого я споткнулся.

– А-а-а!!! – закричал я, получив сильный пинок в бок.

– Ну, что там у вас? – мрачно спросил проснувшийся отец.

Отчаянно отвечаю:

– Мне нужно... на улицу.

– Это в другой стороне, – тон у главы семьи предвещал

неприятный разговор утром.

– Э-э... ну, ладно... – едва слышно произнёс я и осторожно сделал шаг в сторону.

И опять наступил на Такэру.

На сей раз, тот не орал, а что есть силы пнул меня по ноге. Я испугался, что мой вскрик вызовет новый всплеск гнева главы семьи – и с огромным трудом смолчал.

Неожиданно что-то длинное и скользкое заткнуло мне рот. Что-то такое же подползло сверху, сцапало меня за руку и, продолжая затыкать рот, потащило в бок. Чуть погодя, когда чудище меня отпустило на пол, возле меня тускло сверкнули глаза без зрачков. Что-то скользкое, затыкающее мне рот, вдруг стало мохнатым. Чуть погодя оно осторожно отпустило меня, легло мне на плечо, напряжённое, словно готовилось в случае чего опять заткнуть мне рот. Потому я молчал. И оно тоже молчало.

Чуть погодя, когда страх поулёгся, мне вспомнилось, что мой приятель умеет принимать разные обличья. Стараясь не задумываться, во что же он превратился, чтобы подтащить меня к себе, осторожно шевельнул рукой, задел мохнатый бок. Ощупал. Хм, на ощупь похож на бок моего друга. Дальнейшее исследование помогло обнаружить узел. Долго я безуспешно возился с верёвкой. Когда дыхание моих родственников выровнялось, глаза Акутоо вновь тускло заблестели, чуть погодя – стали ещё ярче, впрочем, освещая небольшой кусочек пола и своего тела. Если он может контролировать

свечение своих глаз, если может принимать разнообразный облик, что ему стоит превратиться во что-нибудь мелкое – и освободиться из пут? Или прославленная барсучья хитрость – ничто иное, как распущенные ими слухи?

Когда Такэру шевельнулся, свет погас и не появлялся до того, как мой родственник опять расслабленно засопел. Уж не знаю, сколько прошло, но ещё до рассвета я наконец-то расправился с узлами. Барсук встал на задние лапы, поморщился, протирая одной передней лапой другую, потом многозначительно указал на меня, затем – на себя, и наконец – на дверь. Я опасливо покосился на спящих родных. Тогда оборотень многозначительно закрыл лапой рот. Наверное, просит сохранять молчание. Судорожно сжимаю губы. В следующее мгновение Акутоо схватил меня и забросил на спину. Я пискнул от неожиданности, за что получил шлепок другой лапой по лбу. Заворочался отец. Глаза оборотня перестали светиться. Он сделал осторожный шаг, потом ещё один, и ещё. Кажется, мой вес его не смущал. Мне стало обидно за моё хлипкое и тощее тело.

Акутоо ловко пробрался к двери, вытащил меня на улицу и опустил на землю. Я осторожно прикрыл сёдзи. Глаза барсука замерцали так, что начали освещать пространство шагов на пять вокруг него. Зверь молча указал лапой на себя, затем – на меня, потом – на лес. Смекнув, куда меня приглашают, поёжился. Опять вспомнилось странное поведение барсуков накануне. И рассказы о том, что лисы питаются че-

ловеческой печени. Да и вообще, чудищ на свете много, а жизнь у меня только одна.

– Идём! – едва слышно прошипел оборотень.

– З-зачем?

– Р-разговор е-есть, – передразнил он.

– К-ка-а-кой?

– Б-большой, – и он нетерпеливо развернулся, решительным шагом пошёл по улице.

Уныло опустив плечи, побрёл за ним. От страха мне даже расхотелось спать. Вот нашёл друга на свою голову! Безопаснее подружиться с сыном старосты! Ладно, жизнь у меня неудачная, так что невелика беда, ежели она оборвётся пораньше. Родным не придётся кормить такого тунеядца, так что они будут есть сытнее, трудиться чуть меньше. Так гляди и достаток в доме заведётся. А я, если получится, буду молиться за них перед высшими богами. Может, смогу с Сириси пообщаться. Он приятный, добрый, заботливый. Впрочем, нет, у меня ж своих детей нет, внуков – тем более, разве позволят мне стать духом-предком? Ну, может призраком стать смогу. Буду обидчиков моих родных запугивать. И сына старосты с его ватагой заодно. И, если я не застряну в желании отмщения надолго, тогда начну бродить по дорогам Ниппон – и пугать злодеев, обижающих добрых людей. Призрак-защитник – это звучит гордо!

Чтобы отвлечься от унылых мыслей – мне вдруг резко расхотелось становиться призраком ради помощи страдающим

людям – уточнил:

– Почему ты не превратился во что-то маленькое или тонкое и скользкое, чтобы выбраться из пут?

– Потому что кто-то когда-то попросил сильного монаха помолиться о защите твоего отца от всевозможных чудовищ и нелюдей, – ответил оборотень с досадой. – И сколько я не сменял обличий в темноте, пока ты добирался до меня, мои лапы каждый раз оказывались связаны. А стать кем-то без лап, к примеру, змеёй или червяком-шелкопрядом мне не удалось. Уж столько всего перепробовал!

То ли некто горячо просил какого-то монаха о помощи, то ли мог много заплатить. Интересно, кто и почему хотел защитить моего отца? И связано ли это как-то с Сабуроо-сан? О чём мой родитель умолчал? И нужно ли мне влезать в его тайны? Возможно, там прячется что-то тёмное и неприятное, и отгадки отец прячет от меня, чтобы защитить?

К моему удивлению, Акутоо не завёл меня в чащу. Отошёл от деревни на сотню-две шагов, остановился. Обернулся в молодого вооружённого самурая, выхватил катану. Клинок тускло сверкнул в свете растущей луны. Эх, не доживу я до полнолуния, не смогу полюбоваться на мягкий, нежный и загадочный блеск луны.

Самурай воткнул клинок в землю и опустился на колени передо мной.

– Ты спас мою вторую мать от жестокой расправы, – произнёс он дрожащим хриплым голосом, – потому я отдаю всю

свою жизнь тебе.

Возмущаюсь:

– Да на что мне твоя смерть? Ступай лучше к матери и заботься о ней, как и следует добродетельному сыну, – чуть помолчав, прибавил: – Если твоя мать – та барсучиха, которой я помог сбежать, то ты ей нужен намного больше, чем мне: её слишком сильно избили.

Акутоо уныло опустил голову:

– Нету у меня больше матери, – признался он. – Матушка моя не смогла пережить голода и побоев – и скончалась вскоре после заката. Она попросила меня привести родню, дабы пожелать близким благ. И пока я собирал всех, покинула этот мир.

Так вот чем объясняется странное перемещение барсуков! А друга жалко!

– Ведь она меня с малолетства растила, опекала, – оборотень шмыгнул носом. – Матушка-то моя кровная рано умерла. Из-за злых людей! Она украла золотую статуэтку Будды у одного монаха. Ловко украла, так надула, что он и не заметил, как его драгоценность исчезла, – барсук гордо приосанился, высоко поднял голову, глаза его мечтательно блеснули. – И второй раз надумала его надуть: он как раз новую статуэтку приобрёл. Забралась к нему в дом, ловко прокрадлась – лисы бы сдохли от зависти! И наткнулась на проклятый амулет: изверг его приготовил. Едва ступила матушка моя на этот дрянной лист – и рухнула как подкошенная. Её

тело выбросили как какой-то сор.

Оборотень долго молчал, потом продолжил дрожащим голосом:

– Отца-то у меня рано не стало, так что мачеха обо мне заботилась. Да так, как не всякая родная мать о детище своём хлопотать будет!

Осторожно поинтересовался:

– И отца твоего сгубили злые люди?

– Нет, не они. А всё лисы проклятые! – глаза Акутоо сверкнули яростно. – Папаша-то мой над каппами подшучивать любил. Обнаружит водоём какой-то, встанет около него столбом. Дождётся, пока водяной вылезет. Ну, тот, значит, захочет его в воду утащить или все силы из него высосать, а отец мой, прежде чем тот к нему приблизится, низко-низко ему поклонится.

– И каппа тоже поклонится – и выплеснет волшебную жидкость, которая у него на голове между волос... – подхватил я, замаялся. – Ну, или что там у водяных на голове? Гнездо?

– Особая вода в тощем пучке волос, – сказал Акутоо таким тоном, словно самолично извёл не менее сотни-двух капп, приосанился. – Мой папаша девятьсот семьдесят восемь каппа лишил волшебной силы, так что многие из водоёмов стали безопасными для людей! Правда, эти глупцы так и не поняли, какую заботу мой отец им оказал!

Слушать, как оборотень ругает людей, мне было неприят-

но, потому попробовал отвлечь зверя на другой разговор:

– Должно быть, твой отец и тысячу каппа мог надуть!

– Да, была у него такая мечта, и он так быстро надул этих каппа, – Акутоо гордо поднял голову, потом резко поникнул. – Да будет проклята та мерзкая лиса!

Притворяюсь взволнованным:

– А что случилось?

Врун из меня был не ахти какой, так как мало практиковался, но гордый барсук не заметил моего притворства, с досадой ответил:

– Да одна из этих гадин обернулась каппой – и стала поджидать на берегу реки. Мой отец спокойно и уверенно, как и полагается могущественному неустрашимому и смекалистому воину, подошёл к притворщице, низко ей поклонился. И та ему поклонилась.

Недоумённо уточняю:

– И?

– И когда с каппой ничего не случилось, то отец мой застыл от удивления. А каппа вдруг обернулся гадкой лисой – и давай хохотать над ним. Сердце моего папаши не выдержало такого низкого коварства, оборвалось дыхание доблестного воина...

Я громко расхохотался, услышав о такой нелепой смерти. Злобно блеснули глаза самурая, в которого обратился Акутоо, сверкнуло лезвие в лунном свете и прижалось к моей шее. Сначала меня пронзил холод клинка, потом шею защи-

пало и по ней, по плечу потекло что-то горячее.

Самурай взмахнул мечом, сбрасывая на землю капли мёртвой крови, затем и его оружие, и ножны растворились в воздухе.

– Если бы ты не спас мою вторую мать, я бы тебя сейчас загрыз или зарезал! – прошипел оборотень.

И столько ярости, столько ненависти было в его чёрных глазах, что я невольно отшатнулся. Из глаз оборотня исчезли зрачки. Точнее, очи его стали как две бездонных ямы. И такой жуткий взгляд проявился на человеческом лице оборотня, что меня прошиб пот.

– Однако я поклялся над холодным телом её, что буду верно служить тому, кто избавил её от страшной, позорной смерти от людских рук и дал возможность умереть тихо, в кругу семьи, – горько продолжил оборотень. – Так что я тебя на сей раз прощаю, Юуки-доно. Но советую над моими родителями впредь не смеяться, а то я могу и не удержаться.

Виновато сказал ему:

– Прости меня, Акутоо... Акутоо-сан.

– Прощаю, – мрачно отозвался он.

Какое-то время мы молчали, избегая смотреть друг на друга. Позже он добавил:

– Для тебя я согласен быть и Акутоо-кун. Пойдём, проведу тебя обратно в деревню. А то уже скоро рассвет. Твои родители рассердятся, обнаружив, что пропали мы оба. А так ты им скажешь, что я сбежал сам.

Мы побежали, быстро, бешено. Если он говорит, что скоро заря, значит, так оно и есть.

Увы, тело моё вскоре выдохлось, свалилось. Тогда Акутоо, всё ещё остававшийся человеком, подхватил меня на спину и побежал. Деревья вокруг слились в одно пятно. Удивительно, как он бежал между ними и ни на одно не натолкнулся! Он нёсся по лесу, а на небе зажглась посреди тёмной светлая полоса: заря начиналась, но мне хотелось верить, что друг успеет, что он меня спасёт. Может, мне просто хотелось верить, что у меня есть друг: без слуги я вполне обойдусь, но без друзей долго не выдержу.

– Акутоо... – прошептал я.

– Да? – ответил он, запыхаясь.

– А ты бы мог быть мне просто другом?

Оборотень удивлённо остановился.

Ничего в жизни своей я так не ждал, как его ответа!

5-ый Красный

*За годом год
Пройдут тысячелетья,
Но непременно будут на земле,
Как и сегодня,
Сливы расцветать!*

Садзи-но Кообито

Я задумчиво читала свиток с повестью о прекрасном принце Гэндзи. Точнее, прикидывалась, будто это занятие меня занимает. Мягкий свет лился в просторную комнату с изящной мебелью, облупившейся, облезшей от старости.

Конечно, время придаёт вещам очарование, сглаживает резкий блеск, наносит причудливые трещины, треплет края, показывая, что свиток читали уже не один десяток лет, значит, он долгое время был интересен людям. Но наступает время – и восхищение старыми вещами переходит в недоумение перед мимолётностью красоты и брэнностью сущего, которое затем перерастает в страх перед разрушением и отчаяние. Так как невольно начинаешь задумываться о том, что вечного в мире нет. И хотя красота восхитительна именно благодаря своей простоте и мимолётности, её исчезновение доставляет сердцу горечь. И вместе с тем – тревожит

мыслями о том, что и человек – не вечен.

И этот старинный свиток, готовый рассыпаться пылью от старости, навевал слишком много подобных мыслей. Увы, новый, нарядный, который я ещё не успела рассмотреть, отец уже подарил ему кому-то. Я видела, как он обильно размазывал по нему алую краску, как яростно встряхивал кисточкой над голубоватой бумагой, над синим шёлком, к которому крепился свиток. Отец мне ничего не объяснил, выставил меня под предлогом того, что «каждая молодая дама должна в совершенстве играть хотя бы на одном музыкальном инструменте». Ну да к чему тут объяснения? Мне и так понятно, что он затем напишет на красивом листе бумаги, что это его кровавые слёзы, пролитые из-за жестокости жестокосердной красавицы, припишет один-два стиха из старинной антологии, красиво выведет что-нибудь душещипательное – и пошлёт очередной даме, то ли красивой, то ли просто талантливой. Он так «тосковал по рано покинувшей его жене», что его «сердце разрывалось от боли, а рукава кимоно то и дело промокали от слёз». Да мне-то что? Я уже поняла, что это обычное поведение для мужчин нашего круга. Но мог бы хотя бы подарить мне братика или сестрёнку, дабы скрасить моё одинокое существование!

Вздохнув, изящным движением отложила свиток, медленно и величественно поднялась и медленно побрела по дому, приподнимая подола семи одеяний. Конечно, неприятно будет, если кто-то увидит мои неприкрытые ступни и голени,

но так шёлковые кимоно не шуршат по полу – и мне удаётся передвигаться бесшумно. И я могу подслушивать разговоры немногочисленных слуг. Недостойное деяние для молодой госпожи, но что же делать со скукой?

Незаметно добралась до кухни, уши выхватили обрывок разговора няни и доставщика провизии:

– ...Говорят, что он уже с неделю как поселился в заброшенной усадьбе! – тихо и встревожено произнёс слуга.

– Ах! Они! В нашем городе! – отчаянно вскричала моя няня.

– О, боги! – благодарно прошептала я, выронив подолы своих одежд.

Сообразив, что мой вскрик могли услышать, рванулась, запуталась в длинных одеяниях и с вскриком упала на пол. Вот теперь-то слуги поймут, каким гадким занятием увлекается их госпожа. А прислужники у нас почти все старые, преданные – потому и согласны работать за такое малое жалование – и их осуждение, их укоризненные взгляды будут больно ранить мою душу.

Слуги, няня выскочили в проход, обступили меня, заохали. Я медленно прикрыла глаза и притворилась неподвижной. Может, они будут так волноваться обо мне, что забудут обдумать, как я тут оказалась?

– Бедняжка, как она испугалась! – заохала моя милая няня и злобно прошипела: – Дурень, к чему ты сказал о демоне?!

– Ну, дык говорят, что они....

– Они! Подумаешь, они! Мало ли, что глупые люди говорят?!

Последовал мужской вопль и обиженное:

– Волосы-то мои чего тебе сделали, старая ведьма?!

Мужской вскрик. Яростное сипение, возмущённое:

– Да отпустите же меня! Отпустите! Я ему все волосья повыдержгаю, злодею этому! Люди, да не держите ж меня! Посмотрите, до чего этот мерзавец довёл юную госпожу!

Едва сдержалась, чтобы не улыбнуться: шум поднялся хороший, возможно, забудут о причине моего появления около кухни. К тому же, хвала милосердным богам, на мой радостный вскрик внимания не обратили. А то бы столицу за пару часов облетел пикантный слух, что молодая госпожа с 4-ой линии обрадовалась появлению демона. И чего бы только на сей счёт не наплели злые языки! А что мне делать? Впервые услышала столь занятную новость! Конечно, они – злые и жестокие существа – и приличной девице тут радоваться ни к чему: ей полагается бояться и звать монахов, отгоняющих злых духов. Разумеется, я боюсь, но вот монахам за обряды и молитвы мне платить нечем. А отец не даст: он всё своё жалование на себя тратит. Ох уж эти деньги! Так не хочу о них думать, а они лезут в мои мысли, лезут!

Вечером, когда мы засиделись с няней у открытого окна, любясь на полную, прекрасную луну, осторожно спросила:

– Аой, а видел ли кто-нибудь этого они вживую? Или о

нём только говорят?

И с трепетом ожидала ответ. Уж не знаю, что хотела услышать больше: «да» или «нет».

– Ох, госпожа, что за глупости вы говорите! Вам послышалось, что Китиро сказал «они»: на самом деле он говорил о том, какие вкусные онигири приготовила его жена в тот день, когда он нашёл новую работу! – укоризненный взор. – И, милая моя девочка, госпожа не должна подслушивать чьи-либо разговоры, как это делают глупые прислужницы! Даме подобает вести себя достойно и прилично, иначе ни один уважающий себя господин ею не заинтересуется, будь она хоть в сто, в тысячу раз красивее и талантливее других девушек Киото!

Последовала длинная и нудная тирада. Уж как я ни привыкла к ворчанию моей заботливой нянюшки, однако ж в этот день она оцарапала мои уши и душу своими пристающими словами. Впрочем, я держалась, так как в моей жизни наконец-то произошло что-то необыкновенное – и это придало мне сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.